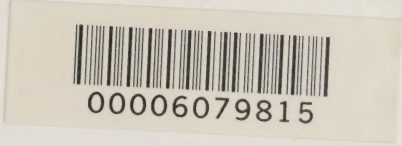
HX276
.B7
L817
1923

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HX276
.B7
L817
1923

DEMCO


00006079815

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/reformailirevoli00luxe

0-1180.

РОЗА
ЛЮКСЕМБУРГ

РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

ИЗД. «КРАСНАЯ НОВЬ»
Г. П. П. МОСКВА 1923.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ауербах. К. Маркс и профессиональные союзы.
Бебель, А. Будущее общество.
Берлин, П. К. Маркс и его время.
Бэр. К. Маркс, его жизнь и учение.
Горнер, К. Социал-демократия и коммунизм.
Девиль, Г. Научный социализм.
Иекк. Интернационал.
Каутский. Карл Маркс и его историческое значение.
„ Классовые интересы.
„ Республика и социализм во Франции.
„ Противоречия классовых интересов в 1789 г., с пред. Н. Н. Попова.
„ Фридрих Энгельс, его жизнь и деятельность.
Корш. Сущность марксизма.
Ленин, Н. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма).
„ Государство и революция.
„ Империализм, как новейший этап капитализма.
Ленин и Плеханов. Против Богданова.
Либкнехт. 48 год и Коммуна.
Лун Поль. История социалистических партий во Франции.
Луначарский. Об интеллигенции. Сборник статей.
„ Религия. Наука. Искусство.
Люксембург. Реформа или революция.
Мануильский, Д. Кризис французской коммунистической партии и пути его изживания.
Маркс, К. Наемный труд и капитал (под ред. Каутского. Перев. Степанова).
„ Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.
„ Гражданская война во Франции 1871 г.
Маркс—перед судом присяжных. С предисл. Ф. Энгельса.
Меринг, Ф. Милиция и постоянное войско.
„ Об историческом материализме.
Павлович. Империализм.
Памяти Маркса. Сборник.
Петровский. Капитализм и социализм. (От Мора до наших дней.)
Плеханов, Г. В Амстердаме (статьи из „Искры").
Поль, В. Коммунизм и общество.
Степанов, И. Парижская коммуна. С иллюстрациями.
Цеткин. Борьба компартий против войны и военной опасности.
Энгельс. Политическое завещание (из неопубликованных писем), I II издан.
„ Революция и контр-революция в Германии. I и II издание.
„ От утопии к науке.
„ Принципы коммунизма.
„ Людвиг Фейербах (От классического идеализма к диалектическому материализму).
„ Сила и экономика в образовании новой Германской империи.

180
994
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.
HX 276
.B7
L817
1923
9284

РЕФОРМА
ИЛИ
РЕВОЛЮЦИЯ?

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

С предисловием Н. Н. ПОПОВА.

Проверено
REFORMA ILI REVOLIUTSIIA?
Інститут Філософії
БІБЛІОТЕКА
Академії Наук УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

0
08

LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

Главлит. № 9558. Тираж 10.000

„Мосполиграф" 20-я Государствен. типография „Красный Пролетарий". Пименовская, 1/16

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вошедшие в настоящую книгу статьи Розы Люксембург были написаны ею 25 лет назад [1]). Им столько же лет, сколько лет нашей партии.

Эти статьи написаны в момент начала расслоения внутри 2-го Интернационала, которое носило в себе зародыши его грядущей гибели. Они явились ответом на знаменитую (или „дрянную", как ее назвал Плеханов) книгу Эдуарда Бернштейна, которая дала законченную формулировку намечавшимся внутри 2-го Интернационала оппортунистическим тенденциям.

В противовес им Роза Люксембург дает столь же законченную формулировку взглядам ортодоксального революционного марксизма, новейшей формой которого можно считать современный научный коммунизм.

Чему уже 25 лет тому назад учил Бернштейн? Отказу от социальной революции и диктатуры пролетариата во имя социальных реформ, сотрудничеству с либеральной буржуазией в демократическом государстве. Он желал превращения социал-демократии из классовой революционной пролетарской партии в демократическую партию социальных реформ, по мере возможности примиряющую интересы всех классов. Вместо классовой борьбы, Бернштейн предлагал сотрудничество классов. Марксистской теории развития капитализма он противопоставил свою теорию (заимствованную у буржуазных экономистов). Согласно этой теории все шло к лучшему в сем лучшем из миров: классовые противоречия смягчались, роль и влияние средних классов росло, число богатых увеличивалось на счет числа бедных, рабочие постепенно превращались в акционеров капиталистических пред-

[1]) Статьи эти впервые печатались в "Leipziger Volkszeitung" в сентябре 1898 г. и апреле 1899 г.

приятий, положение рабочих вообще улучшалось во всех отношениях, политическая демократия прогрессировала в сторону расширения прав трудящихся. Бернштейн шел дальше. Словно предвидя дальнейшую эволюцию оппортунистического социализма, он объявлял устаревшим предрассудком основное положение Коммунистического Манифеста о том, что „пролетарии не имеют отечества". „Мечта об уничтожении национальности (Бернштейн имел в виду собственно теорию международной солидарности пролетариата) есть мечта и мечта некрасивая"—заявлял этот духовный отец Шейдемана и Носке. Свое „признание" национальности Бернштейн конкретизировал в форме одобрения колониальной политики гогенцоллернской Германии (конечно, отмеживаясь лицемерно на словах от тех кровавых эксцессов, которыми эта политика сопровождалась). Его демократизм вообще превращался в свою собственную противоположность, когда дело доходило до отношения социал-демократии и гогенцоллернской монархии. Во всяком случае очень скоро после выхода книги Бернштейна участие во всякого рода династических и монархических манифестациях, полагавшихся по штату в парламентах, стало излюбленным занятием сторонников бернштейнианства в южно-германских государствах.

Оппортунистическая рабочая аристократия и всевозможное прилипшее к партии мещанство постепенно сделало из бернштейнианства господствующую доктрину германской социал-демократии. И если вначале в партии раздавались решительные голоса (Р. Люксембург, Г. В. Плеханова), требовавшие, чтобы из отречения Бернштейна от принципов революционного марксизма были сделаны надлежащие выводы, иными словами, требовавшие исключения его из партии, то они не встретили поддержки даже среди ортодоксальных марксистов, типа К. Каутского, в своих возражениях Бернштейну сделавшего ряд существенных уступок взглядам последнего.

Бернштейн остался в партии и вокруг него постепенно образовалось целое реформистское крыло. Оно привлекло на свою сторону большое число „практиков" и прежде всего руководителей профессионального движения (с К. Легиным,

во главе). Многие из ответственнейших работников партии упрекали Бернштейна только в излишней откровенности, считая, что все его практические предложения следовало просто проводить в жизнь без лишних разговоров. Это настроение, пожалуй, господствовавшее в партии, выразил в своем личном письме к Э. Бернштейну И. Ауэр, назвавший его ослом и прибавивший, что такие вещи, о которых написано в книге у Бернштейна, не говорятся, а делаются. А между тем, Ауэр был одним из лидеров парламентской фракции партии, едва ли не самым выдающимся после Августа Бебеля.

Тем не менее официально большинства взгляды Бернштейна долго еще не получали. Наоборот, на своих съездах (резче всего в Дрездене в 1903 году) партия официально их осуждала. Но словесные осуждения плохо действовали. „Васька слушал, да ел". Оппортунизм постепенно съедал и вытравлял из практики германской социал-демократии все живое и революционное. И она фактически превращалась в оппозицию Его Величества императора Вильгельма, занимая приблизительно такое же место, какое партия кадетов занимала в России. Оставалась одна только шелуха революционной фразы, стоило подуть сильному ветру, и шелуха слетела.

Война окончательно бросила германскую социал-демократию (кроме крайнего левого крыла, к которому принадлежала Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг и др.) в объятии империализма. Бернштейн имел все основания торжествовать.—И на объявление войны он отозвался статьями, в которых осмелился именем Маркса и Энгельса требовать поддержки „оборонительной войны" с русским царизмом, а германский империализм пытался изобразить, как орудие прогресса. Но тут германская социал-демократия в своем преклонении перед империализмом, прямой и открытой поддержкой империалистической войны превзошла самого Бернштейна. Через полтора года после ее начала Бернштейн выступил против войны. Но не во имя пролетарского социализма, которому он был чужд до мозга костей, а во имя демократического пацифизма. Это было в его мелко-буржуазной натуре.

Лидер и теоретический вождь оппортунистического крыла германской социал-демократии оказался вне рядов ее патриотического большинства. Бернштейн стал одним из основателей независимой социал-демократической партии. Но первые же раскаты ноябрьской революции 1918 года положили быстрый конец этому странному зигзагу его жизни. Блудный отец вернулся на лоно родного детища. Через 4 года за одним из своих основателей последовала вся остальная независимая партия, кроме той ее части, которая ушла дальше налево к коммунистам.

Бернштейну в жизни удалось дождаться осуществления своих идеалов. Не социалистических, конечно, а превращения социал-демократии в демократическую партию реформ. Разве не является такой в полной мере современная германская социал-демократия, официально отказавшаяся от марксизма и от теории классовой борьбы. Разве не является точным воспроизведением бернштейновских писаний 25 лет назад современная герлицкая программа германской социал-демократии?! Впрочем, Бернштейн был не только духовным отцом этой программы. Он принимал непосредственное участие в ее практической выработке, как член специальной комиссии, избранной партейтагом. Плоды 25-ти летней работы по оскоплению научного социализма, таким образом, не пропали даром.

В качестве филистера и демократического пацифиста, Бернштейн до глубины души ненавидит Советскую Россию. Советская Россия может только гордиться этой ненавистью отца международного оппортунизма, отца нынешнего 2-го Интернационала Носке, Вандервельде, Филиппо Туратти, Интернационала убийц Розы Люксембург и друзей Муссолини.

Те взгляды, которые 25 лет тому назад в противовес Бернштейну развивала Роза Люксембург, легли в основу нынешнего научного коммунизма, единственного и законного наследника взглядов Маркса и Энгельса. Эти взгляды нуждаются лишь в немногих оговорках для настоящего времени, именно в вопросе о демократии.

Роза Люксембург утверждает, что как раз пролетариат проводит в жизнь принципы политической демократии, в то

время как буржуазия прячется под знаменем монархии и реакции. Совершенно верно: до сих пор против реакции, против военщины, против фашизма пролетариат отстаивает даже буржуазную демократию, защищает даже буржуазную республику (пример, Германия), всячески стремится расширить демократические свободы, поскольку они касаются рабочих. Но пролетариат не делал и не делает фетиша из демократии. Он использует демократию в своих интересах и отбрасывает ее прочь тогда и там, где демократия становится на пути к осуществлению его классовой диктатуры, к подавлению всякого сопротивления эксплоататоров. Это не было ясно вполне Розе Люксембург за 25 лет до настоящего времени. Но это вполне понимал Плеханов 5 лет спустя на 2-м Съезде РСДРП в 1903 году, когда высказывался прямо за ограничение избирательных и вообще гражданских прав имущих классов, если того потребуют интересы революции на том самом 2-ом съезде, который отверг подавляющим большинством голосов включение в программу партии отмены смертной казни, выставленное меньшевиками впоследствии против захватившего власть пролетариата в защиту буржуазной контр-революции. Как и 25 лет тому назад перед лицом преемников и единомышленников Бернштейна рабочий класс всего мира стоит перед задачей—преодолеть современный оппортунизм, т.-е. отбросить его от себя. Эта задача выполнена уже в стране, которой Роза Люксембург неоднократно и с полным убеждением предсказывала руководящую роль в международной рабочей революции, даже тогда, когда над ее кровавыми поражениями язвительно издевались все филистеры и оппортунисты.

Н. Н. Попов,

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Заглавие настоящего произведения может с первого взгляда вызвать удивление. Социальная реформа или революция? Разве может социал-демократия быть *против* социальной реформы? Может ли она *противопоставлять* социальную реформу революции, т.-е. перевороту в существующем строе,—конечной цели социал-демократии? Конечно, нет. Для социал-демократии будничная практическая борьба за социальные реформы, за улучшение положения рабочего класса на почве существующего строя, борьба за демократические учреждения—есть, пожалуй, единственное средство для руководства классовой борьбой пролетариата, конечная цель которой есть введение диктатуры пролетариата. С социал-демократической точки зрения, между социальной реформой и социальной революцией существует неразрывная связь: борьба за социальные реформы является для нее *средством*, а социальный переворот *целью*.

В теории Эдуарда Берштейна, как она изложена в его статьях „Проблемы социализма“ („Neue Zeit“, 1897/98), и в его книге „Voraussetzungen des sozialismus“ [1]) мы впервые находим *противопоставление* этих двух моментов рабочего движения. Практически вся эта теория сводится только к совету отказаться от социального переворота—конечной цели социал-демократии и превратить социальные реформы из

[1]) Имеются в русском переводе: „Очерки из истории и теории социализма“, С.-Пб., 1902 г., ч. 2-ая, „Voraussetzungen“ вышли в нескольких переводах, между прочим, в изд. Знания, С.-Пб., 1901 г., под заглавием „Исторический материализм“. *Ред.*

средства классовой борьбы в ее цель. Сам Бернштейн наиболее удачно и ясно формулировал свои взгляды следующей фразой: „конечная цель, какова бы она ни была, для меня—ничто, движение же—все".

Но социалистическая конечная цель является решающим моментом, отличающим социал-демократическое движение от буржуазной демократии и буржуазного радикализма. Именно эта конечная цель превращает все рабочее движение из бесплодного штопания, предпринимаемого для спасения капиталистического строя, в классовую борьбу против этого строя, с целью его окончательного уничтожения. Вот почему вопрос: „социальная реформа или революция?" в том смысле, как его понимает Берштейн, является в то же время для социал-демократии вопросом: быть или не быть? Поэтому при спорах с Бернштейном и его единомышленниками всякий член партии должен себе уяснить, что вопрос идет не о той или иной форме борьбы, не о той или иной тактике, а о самом существовании социал-демократического движения.

При беглом рассмотрении теории Бернштейна это может показаться преувеличением. Разве Берштейн не говорит на каждом шагу о социал-демократии и ее целях, разве он сам много раз не повторяет ясно, что и он стремится к социалистической конечной цели, только в другой форме, и разве он не подчеркивает усиленно, что почти полностью признает современную практическую деятельность социал-демократии? Конечно, все это верно. Но точно также верно и то, что с давних пор в развитии теорий и в политике каждое новое направление в начале опиралось на старые, даже в том случае, когда последние по существу являлись полной противоположностью этому новому направлению. Оно сначала применяется к тем формам, которые застает при своем возникновении, говорит тем языком, на котором говорили до него, и лишь с течением времени из старой оболочки появляется новый росток, новое направление приобретает собственную форму и собственный язык.

Ждать, что оппозиция научному социализму начнет с того, что ясно и отчетливо до последней мелочи определит свое

внутреннее содержание, что она открыто и прямо станет отрицать теоретическое обоснование социал-демократии, значило бы недооценивать силу научного социализма. Кто в настоящее время, считаясь социалистом, хочет объявить в то же время войну учению Маркса, этому могучему продукту мысли нашего столетия, тот должен начать с бессознательного преклонения перед этим учением. Он должен прежде всего признать себя последователем этого учения, искать в нем самом точку опоры для борьбы с ним и эту борьбу представить только, как дальнейшее развитие учения Маркса. Поэтому нужно, не обманываясь этими внешними формами, вылущить зерно, содержащееся в теории Бернштейна,—это является настоятельной необходимостью для широких масс промышленного пролетариата в нашей партии.

Нет более глубокого оскорбления рабочего класса и худшей клеветы на него, как утверждение, будто теоретические споры являются исключительно делом „академиков". Еще Лассаль как-то сказал [1]): только тогда, когда наука и работники—эти два противоположных общественных полюса—соединятся воедино, они раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоящие на пути культуры.

Вся сила современного рабочего движения покоится на теоретическом познании. Но в данном случае это познание является вдвойне важным для рабочих, так как здесь вопрос идет именно о них самих и об их влиянии на движение и так как здесь играют их судьбой. Оппортунистское течение в партии, теоретически формулированное Бернштейном, есть не что иное, как бессознательное стремление обеспечить преобладание за вошедшими в нашу партию мелкобуржуазными элементами и видоизменить в их духе практику и цели ее. Вопрос о социальной реформе и революции, о конечной цели и движении, представляет, с другой стороны, вопрос о мелкобуржуазном или пролетарском характере рабочего движения.

Поэтому в интересах пролетарской массы партии необходимо живейшим и подробнейшим образом заняться рас-

---

[1]) В речи „Наука и работники". Ред.

смотрением теоретического спора с современным оппортунизмом. До тех пор, пока теоретическое познание останется в партии привилегией горсти „академиков“, ей постоянно будет угрожать опасность сбиться с пути. Только тогда, когда широкие массы рабочего класса сами возьмут в руки надежное остро отточенное оружие научного социализма, исчезнут все мелкобуржуазные уклонения, все оппортунистские течения. Тогда и движение станет на верную и твердую почву. „Масса сделает это“.

Роза Люксембург.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ [1]).

1. Бернштейновский метод.

Если теории представляют собой отражения явлений внешнего мира в человеческом мозгу, то, имея в виду новейшую теорию Эдуарда Бернштейна, мы приходим к заключению, что теории иногда представляют отражения, обратные действительности. Теория введения социализма путем социальных реформ в эпоху Штумма Посадовского; теория контроля профессиональных союзов над процессом производства—после поражения английских машиностроительных рабочих; теория преобладания в парламенте социал-демократического большинства—после пересмотра саксонской конституции и покушение на всеобщее избирательное право в рейхстаг! Но центр тяжести рассуждений Бернштейна лежит, по нашему мнению, не в его взглядах на практические задачи социал-демократии, а в том что он говорит о ходе объективного развития капиталистического общества, с чем, конечно, очень тесно связаны и вышеупомянутые взгляды его.

По мнению Бернштейна, общее крушение капитализма по мере развития последнего становится все менее вероятным, так как капиталистическая система с каждым днем проявляет все большую способность приспособления, а производство постоянно все больше дифференцируется. Приспособляемость капитализма выражается, по мнению Бернштейна, во-первых в исчезновении всеобщих кризисов, что обусловливается развитием кредита, предпринимательских организаций средств сообщения, а также почтово-телеграфных сношений; во-вторых, в устойчивости среднего сословия, как результата по-

[1]) Критика статей Бернштейна: „Проблемы социализма".

стоянной дифференциации отраслей производства и перехода широких слоев пролетариата в среднее сословие, и, наконец, в-третьих, приспособляемость эта выражается в экономическом и политическом улучшении положения пролетариата, как следствии профессиональной борьбы.

Отсюда для социал-демократии вытекает общее указание, что ее деятельность должна быть направлена не на захват политической власти в государстве, а на улучшения положения рабочего класса и на введение социализма не путем социальной и политической революции, а путем постепенного расширения общественного контроля и постепенного проведения кооперативного принципа.

Сам Бернштейн не видит ничего нового в своих рассуждениях и полагает даже, что они согласны как с отдельными заявлениями Маркса и Энгельса, так и с общим направлением деятельности социал-демократии до самого последнего времени. Однако, на наш взгляд, при более основательном знакомстве с сущностью его воззрений, трудно отрицать, что они находятся в коренном противоречии со всем ходом мысли научного социализма.

Если бы весь бернштейновский ревизионизм исчерпывался утверждением, что ход капиталистического развития совершается гораздо медленнее, чем это принято считать, то это значило бы только, что захват политической власти пролетариатом необходимо отсрочить; а отсюда практически можно было бы, в крайнем случае, сделать вывод о более медленном темпе борьбы.

Но дело не в этом. Бернштейн поднимает вопрос не о темпе, а о самой тенденции развития капиталистического общества и, в связи с этим, о переходе к социалистическому строю.

Если социалистическая теория до сих пор принимает, что исходной точкой социалистического переворота будет всеобщий уничтожающий кризис, то при этом следует, по нашему мнению, различать основы теории от ее внешней формы.

Эта теория предполагает, что капиталистический строй сам по себе, в силу собственных противоречий, подготовит мо-

мент своего разрушения, когда существование его сделается просто невозможным. Если этот момент представляют в форме всеобщего разрушительного промышленного кризиса, то для этого имеется, по нашему мнению, глубокое основание, но, тем не менее, в самом основании социализма он играет лишь второстепенную роль.

Социализм черпает свое научное обоснование в трех основных тенденциях капиталистического развития: прежде всего, в усиливающейся анархии капиталистического хозяйства, которая ведет его неизбежно к гибели, во-вторых, в растущем обобществлении производственного процесса, которое создает положительную отправную точку для создания социалистического строя, и, в-третьих, в растущей силе и классовом сознании пролетариата, являющихся активным фактором предстоящего переворота.

Первую из перечисленных главных основ научного социализма Бернштейн опровергает. Он утверждает, что капиталистическое развитие не идет навстречу всеобщему хозяйственному краху.

Но этим он отрицает не только определенную форму гибели капиталистического строя, но и самую возможность его гибели. Он ясно говорит: „когда говорят о крушении современного общества, то имеют при этом в виду больше чем всеобщий и усиленный, по сравнению с прежними, промышленный кризис, а именно—полную гибель капиталистической системы в силу ее собственных противоречий". И далее он заявляет: „приблизительно одновременная и полная гибель современной системы производства становится с дальнейшим развитием общества не более, а менее вероятной, так как это развитие увеличивает приспособляемость индустрии, одновременно усиливая ее дифференциацию [1])".

Но в таком случае возникает важный вопрос, почему и каким образом мы вообще придем к конечной цели наших стремлений? С точки зрения научного социализма, историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталисти-

[1]) „Neue Zeit", 1897/98, № 18, I. 555.

ческой системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм перестает быть объективно необходимым. Из краеугольных камней его научного фундамента остается тогда только два других продукта капиталистического строя: обобществленный процесс производства и классовое сознание пролетариата. Это имеет в виду Бернштейн, когда говорит: „социалистическая мысль (с устранением теории крушения) нисколько не теряет в своей убедительности. Что, в самом деле, представляют собою, если внимательно присмотреться, перечисленные нами факторы устранения или видоизменения прежних кризисов? Все это факты, которые одновременно представляют собою предпосылку и отчасти даже исходные пункты обобществления производства и обмена [1])".

Достаточно, однако, беглого взгляда, чтобы доказать ложность и этого заключения. В чем заключается значение явлений, именуемых Бернштейном средствами приспособления капитализма: картелей, кредита, усовершенствования средств сообщения, поднятия рабочего класса и. т. д.? В том, конечно, что они устраняют, или, по крайней мере, притупляют внутренние противоречия капиталистического хозяйства, мешают их развитию и обострению. Так устранение кризисов означает уничтожение противоречия между производством и обменом на почве капитализма; улучшение положения рабочего класса, как такового, и отчасти переход его в среднее сословие означает притупление противоречия между трудом и капиталом. Итак, раз картели, кредит, профессиональные союзы и т. д. уничтожают капиталистические противоречия и, следовательно, спасают капиталистическую систему от окончательной гибели и сохраняют капитализм (поэтому Бернштейн и называет их „средствами приспособления"),—как же они могут в то же самое время представлять собою „предпосылки и отчасти даже исходные пункты социализма"? Очевидно, лишь в том смысле, что они со-

[1]) „Neue Zeit", 1897/98, № 18, S. 554; русск. пер., стр. 217.

действуют более ясному проявлению общественного характера производства. Но, поскольку они сохраняют его капиталистическую форму, постольку они делают излишним переход этого обобщественного производства в социалистическую форму. Поэтому они могут служить исходными пунктами и предпосылками социалистического строя только в идейном, а не в историческом смысле, т.-е. это такие явления, которые, как мы знаем на основании нашего представления о социализме, близки к последнему, но фактически не только не могут произвести социалистического переворота, а скорее делают его излишним. Таким образом в качестве обоснования социализма остается только классовое сознание пролетариата. Но и оно в данном случае не просто духовное отражение все более обостряющихся противоречий капитализма и его предстоящей гибели,—ведь эта последняя предотвращается средствами приспособления,—а только идеал, притягательная сила которого покоится на его собственных, ему приписанных совершенствах.

Одним словом, этим путем мы получаем обоснование социалистической программы посредством „чистого познания", или, проще сказать, идеалистическое обоснование, а объективная необходимость, т.-е. доказательство, основывающееся на самом ходе материального развития общества, отбрасывается. Теория Бернштейна стоит перед дилеммой: или социалистический переворот вытекает из объективных противоречий капиталистического строя, и результатом их будет в свое время крушение его в той или иной форме, но в таком случае „средства приспособления" недействительны, и теория крушения верна. Или „средства приспособления" действительно предотвращают крушение капиталистической системы, делают, таким образом, капитализм способным к существованию и устраняют, следовательно, его противоречия; но в таком случае социализм перестает быть исторической необходимостью и представляет собою все, что угодно, но только не результат материального развития общества. Эта дилемма ведет к другой: или Бернштейн прав в отношении хода капиталистического развития, и в таком случае социалистическое преобразование общества превра-

щается в утопию, или социализм не есть утопия, но тогда неверна теория средств приспособления. That is the question—вот вопрос.

2. Приспособление капитализма.

К важнейшим средствам приспособления капиталистического хозяйства принадлежат, по мнению Бернштейна, кредит, усовершенствованные средства сообщения и организации предпринимателей.

Начнем с кредита. Он исполняет в капиталистическом хозяйстве разнообразные функции, но самая важная из них состоит, как известно, в увеличении способности производительных сил к расширению, в посредничестве и облегчении обмена. Там, где имманентная тенденция капиталистического производства к неограниченному расширению наталкивается на рамки частной собственности, на ограниченные размеры частного капитала, кредит является средством капиталистически преодолеть эти припятствия; он спаивает в один много частных капиталов (акционерные общества) и предоставляет в распоряжение капиталиста чужой капитал (промышленный кредит). С другой стороны, он, в качестве торгового кредита, ускоряет обмен товаров, т.-е. ускоряет возвращение капитала к производству, а следовательно, и весь круговорот производственного процесса. Легко увидеть то влияние, которое обе эти важнейшие функции кредита оказывают на возникновение кризисов. Если кризисы, как известно, вытекают из противоречия между способностью и тенденцией производства к разширению, с одной стороны, и ограниченной способностью потребления, с другой,—то, согласно вышесказанному, кредит как бы предназначен для того, чтобы как можно чаще вскрывать это противоречие. Прежде всего, он увеличивает до необычайных размеров способность производства к расширению и постоянно создает в нем внутреннее побуждение выйти за пределы рынка. Но он бьет на два фронта.

Раз кредит, в качестве фактора производственного процесса, вызывает перепроизводство, то, в качестве средства об-

ращения, он с тем большей силой поражает во время кризиса им же самим вызванные производительные силы. При первых признаках застоя кредит сокращается, не приходит обмену на помощь там, где это как раз надо, не производит действия и оказывается бесцельным там, где он еще функционирует и таким образом сокращает во время кризисов способность потребления до минимальных размеров.

Кроме этих двух важнейших последствий, кредит действует еще во многих отношениях на образование кризисов. Он является не только техническим средством, дающим капиталисту возможность распоряжаться чужим капиталом, но в то же время служит поощрением к смелому и беззаботному употреблению чужой собственности, следовательно, ведет к рискованным спекуляциям. В качестве коварного средства обращения он не только обостряет кризис, но и облегчает его наступление и распространение; он превращает все обращение в чрезвычайно сложную и исскуственную махинацию с минимальным количеством металлических денег в качестве реальной основы, так что малейший повод вызывает в ней расстройство.

Таким образом кредит далеко не является средством устранения или хотя бы только смягчения кризисов, а, совершенно напротив, представляет собою особый и могущественный фактор для создания кризисов. Да иначе и быть не может. Специфическая функция кредита, в самых общих чертах, заключается именно в том, чтобы лишить все капиталистические отношения последнего остатка устойчивости и внести повсюду возможно большую эластичность, сделать все капиталистические потенциальные силы в вышей степени растяжимыми, относительными и чувствительными. Ясно, что это может только обострить и облегчить появление кризиса, который есть не что иное, как периодическое столкновение противодействующих потенцильных сил капиталистического хозяйства.

Но это приводит нас в то же время к другому вопросу: каким образом кредит вообще может явиться „средством приспособления“ капитализма? В каком бы отношении и под

какой бы формой мы ни представляли себе это „приспособление" при посредстве кредита, сущность такого приспособления может заключаться, очевидно, только в одном: благодаря ему сглаживается какое-либо противоречивое отношение в капиталистическом хозяйстве, уничтожается или притупляется какое-либо из его противоречий, и таким путем силы, сжатые в одном пункте, получают возможность выйти на широкий простор. Однако, если имеется в современном капиталистическом обществе средство, способное довести все его противоречия до крайней степени, то это именно кредит. Он усиливает противоречие между способами производства и обмена, доводя производство до наибольшего напряжения и при малейшем поводе парализуя обмен. Он усиливает противоречие между способом производства и способом присвоения, отделяя производство от собственности, превращая капитал, занятый в производстве, в общественный, а прибыли придавая форму чистого процента на капитал, т.-е. чистой частной собственности. Он повышает противоречие между отношениями владения и производства, концентрируя путем насильственной экспроприации многих мелких капиталистов громадные производительные силы в руках немногих. Он повышает противоречие между общественным и частным характером производства, делая необходимым вмешательство государства в производство (акционерные общества).

Одним словом, кредит воспроизводит все коренные противоречия капиталистического мира и доводит их до нелепости, доказывая таким образом капиталистическому обществу его несовершенства, ускоряет темп, с которым оно спешит навстречу своей собственной гибели — крушению. Итак, что касается кредита, то первое, что должен был бы сделать капитализм в целях своего приспособления, — уничтожить кредит, прекратить его деятельность. В своем настоящем виде он служит не средством приспособления, а средством уничтожения, обладающим чрезвычайно революционным влиянием. Ведь именно этот революционный, разрушающий капиталистические рамки характер кредита вызвал даже реформаторские планы с легкой социалистиче-

ской окраской и превратил, по выражению Маркса, главных защитников кредита в полупророков, полумошенников.

Настолько же придуманным является при ближайшем изучении и второе „средство приспособления" капиталистического производства—союзы предпринимателей. По мнению Бернштейна, они должны путем регулирования производства прекратить анархию и предупредить кризисы. Об этом, понятно, могла бы быть речь постольку, поскольку картели, тресты и т. д. хоть приблизительно имели тенденцию сделаться всеобщей и господствующей формой производства. Но это как раз противоречит самой природе картелей. Конечная экономическая цель союзов предпринимателей состоит в том, чтобы путем уничтожения конкуренции внутри данной отрасли воздействовать на распределение общей массы полученной на товарном рынке прибыли в смысле увеличения доли этой отрасли индустрии. Но организация может поднять норму прибыли одной какой-либо отрасли индустрии только за счет других и по одному этому не может сделаться всеобщей. Распространяясь на все наиболее важные отрасли производства, она сама уничтожает свое влияние.

Но и в пределах своего практического осуществления союзы предпринимателей действуют в направлении, совершенно противоположном прекращению промышленной анархии. Указанное повышение нормы прибыли достигается картелями на внутреннем рынке обыкновенно тем, что дополнительные части капитала, которые не могут быть применены для внутренних потребностей, они пускают в производство для вывоза, довольствуясь гораздо более низкой нормой прибыли. Результатом этого является обострение конкуренции за границей, увеличение анархии на мировом рынке, т.-е. как раз противоположное тому, к чему стремились. Примером этого служат современные отношения в международной сахарной промышленности.

Наконец, союзы предпринимателей в их целом, как одну из форм капиталистического способа производства, должно рассматривать, как переходную стадию, как определенную фазу капиталистического развития. В самом деле, картели

являются собственно средством капиталистического способа производства удержать роковое падение нормы прибыли в отдельных отраслях производства. Какому же методу следуют картели для этой цели? В сущности, он состоит лишь в неупотреблении одной части накопленного капитала, т.-е. тот же метод, который в иной только форме применяется при кризисах. Но подобное лекарство, как две капли воды, похоже на самую болезнь и может применяться только до известного времени в качестве меньшего из зол. Как только рынок сбыта начнет уменьшаться,—а нельзя отрицать, что такой момент рано или поздно наступит,—вынужденное неупотребление части капитала примет такие размеры, что лекарство само превратится в болезнь, капитал, уже значительно обобществленный благодаря организации, снова превратится в частный капитал. Раз уменьшается возможность захватить местечко на рынке, всякая частная доля капитала предпочитает искать счастия за свой страх и риск. В таком случае организации должны лопнуть, как мыльные пузыри, и снова дать место свободной конкуренции, но в усиленной форме.

Итак, в общем картели так же, как кредит, представляются определенными фазами развития, которые, в конце концов, еще более увеличивают анархию капиталистического мира, развивают и дают всем его внутренним противоречиям более ясное выражение. Они обостряют противоречия между способами производства и обмена, усиливая до крайних пределов борьбу между производителем и потребителем Они обостряют далее противоречие между способами производства и присвоения, противопоставляя рабочему классу превосходную силу организованного капитала и представляя в самой резкой форме противоположность между трудом и капиталом.

Они обостряют, наконец, противоречие между международным характером капиталистического хозяйства и национальным характером капиталистического государства, так как спутником их является общая таможенная война, усиливающая до крайней степени антагонизм между отдельными капиталистическими государствами. Сюда прибавляется еще прямое и в высшей степени революционное влияние карте-

лей на концентрацию производства, техническое усовершенствование и т. д.

Таким образом картели в своем окончательном действии на капиталистическое хозяйство не только не представляют „средства приспособления", сглаживающего его противоречия, а, как раз наоборот, являются одним из средств, созданных капиталистическим хозяйством, чтобы увеличить присущую ему анархию, обнаружить заключающиеся в нем противоречия и ускорить собственную гибель.

Однако, если кредит, картели и подобные средства не устраняют анархии капиталистического хозяйства, то каким же образом могло случиться, что мы в течение двух десятилетий не пережили общих промышленных кризисов? Разве это не служит признаком, что капиталистический способ производства, по крайней мере в своей сущности, действительно „приспособился" к потребностям общества и опроверг сделанный Марксом анализ? Мы думаем, что настоящее затишье на мировом рынке можно объяснить другими причинами.

Все бывшие до сих пор большие и периодические промышленные кризисы обыкновенно рассматривают, как представленные Марксом в его анализе старческие кризисы капитализма. Приблизительно десятилетняя периодичность производительного цикла казалась лучшим подтверждением этой схемы. Но такой взгляд покоится, по нашему мнению, на недоразумении. Рассматривая ближе в отдельности причины всех бывших до сих пор больших международных кризисов, приходишь к убеждению, что они были выражением не старческой слабости капиталистического хозяйства, а скорее выражением его младенчества. Стоит только немного подумать, чтобы немедленно убедиться, что капитализм в 1825, 1836, 1847 гг. ни в каком случае не мог вызвать периодического, порожденного полной зрелостью, неизбежного столкновения производительных сил с рамками существующего рынка в том виде, как это представлено в Марксовой схеме. Не мог потому, что капитализм в то время находился в большинстве стран еще в пеленках. В самом деле, кризис 1825 г. явился результатом затрат громадного основного капитала при постройке дорог, каналов и газовых заводов, возник-

ших так же, как и сам кризис, главным образом в Англии в предшествовавшем ему десятилетии. Следующий кризис 1836—1839 гг. точно также был результатом колоссального грюндерства, вызванного созданием новых средств транспорта. Кризис 1847 г. был, как известно, вызван лихорадочным железнодорожным строительством в Англии (с 1844 до 1847 г. т.-е. в течение трех только лет, парламент роздал концессий для постройки новых железных дорог на сумму около $1^1/_4$ миллиардов талеров!) Во всех трех случаях, следовательно, кризисы являются результатом различных форм создания социального хозяйства и закладки новых фундаментов капиталистического развития. Кризис 1857 г. вызван был внезапным открытием для европейской индустрии новых рынков в Америке и Австралии благодаря открытию золотых рудников; во Франции—главным образом железнодорожным строительством, при чем в этом отношении она шла по стопам Англии (с 1852 до 1856 г. во Франции было построено новых железных дорог на $1^1/_4$ миллиарда франков). Наконец, как известно, громадный кризис 1873 г. явился прямым последствием создания крупной промышленности в Германии и Австрии и первого бурного натиска ее, последовавшего за политическими событиями 1866 и 1871 г.г.

Итак, до сих пор причиной промышленных кризисов каждый раз было внезапное расширение, а не сужение или истощение капиталистического хозяйства. Десятилетняя периодичность бывших до сих пор международных кризисов представляется, таким образом, явлением внешним, случайным. Марксова схема образования кризисов, в том ее виде, как она представлена Энгельсом в „Антидюринге“ и Марксом в III томе „Капитала“, только постольку подходит к объяснению бывших кризисов, поскольку она раскрывает внутренний механизм и глубоко скрытые общие причины всех кризисов. Но в своем целом эта схема применима скорей к совершенно развитому капиталистическому хозяйству там, где мировой рынок предполагается, как нечто уже данное. Только в этом случае кризисы могут повторяться, как это принято в Марксовом анализе, механическим путем, в силу собственного внутреннего движения процессов произ-

водства и обмена, без внешнего толчка, вызванного внезапным потрясением в отношениях производства или рынка. Если мы представим себе современное экономическое положение, то во всяком случае должны будем признать, что мы не вступили еще в ту фазу совершенной капиталистической зрелости, которая по схеме Маркса является условием периодичности кризисов. Мировой рынок все еще развивается. Германия и Австрия только с 70-х годов вступили в фазу крупного производства, Россия сделала это только в 80-х годах, Франция еще до сих пор продолжает оставаться преимущественно мелко-ремесленной, государства Балканского полуострова в значительной части даже не освободились от оков натурального хозяйства, а Америка, Австралия и Африка лишь в 80-х годах вступили в оживленные и правильные промышленные сношения с Европой. И если мы, с одной стороны, уже пережили эти внезапные, совершающиеся скачками, открытия новых областей капиталистического хозяйства, которые до 70-х годов происходили периодически и являлись причиной бывших до сих пор, так сказать, кризисов юности, то, с другой стороны, мы не достигли еще той степени развития и истощения мирового рынка, которая вызвала бы роковые и периодические столкновения производительных сил с границами рынка—действительные старческие кризисы капитализма. Мы вступили в тот период, когда кризисы не сопровождают более нарождение капитализма, но еще не сопуствуют его гибели. Этот переходный период характеризуется также наблюдаемой в течение двух последних десятилетий устойчивой, но в общем вялой промышленной жизнью, в которой короткие периоды подъема сменяются продолжительными периодами угнетения.

Но мы неудержимо приближаемся к началу конца, к периоду конечных кризисов капитализма. Это следует именно из тех самых явлений, которыми обусловливается в настоящее время отсутствие кризисов.

Раз мировой рынок в общем достиг известных размеров и не может уже быть увеличен никакими внезапными расширениями, если при этом неудержимо растет производительность труда, рано или поздно начнется периодическое

столкновение между производительными силами и границами обмена,—столкновение, которое, благодаря повторениям, будет приобретать все более резкий и бурный характер. И если существуют какие-либо специальные средства, способные приблизить нас к этому периоду, способные быстро создать и так же быстро истощить мировой рынок, то это именно те явления—кредит и организации предпринимателей, на которые, как на „средства приспособления" капитализма, ссылается Бернштейн. Предположение, что капиталистическое производство могло бы „приспособиться" к обмену, требует одного из двух: или мировой рынок растет неограниченно и бесконечно, или, наоборот, производительные силы ограничены в своем росте так, что они не могут перерасти пределов рынка. Первое является физически невозможным, второму предположению противоречит тот факт, что на каждом шагу во всех областях производства совершается технический переворот, каждый день пробуждаются новые производительные силы.

По мнению Бернштейна, еще одно явление противоречит установленному ходу капиталистических дел: „почти непоколебимая фаланга" средних предприятий, на которые он указывает нам. Это доказывает, по его мнению, что развитие крупного производства не действует таким революционизирующим и концентрирующим образом, как этого следовало бы ожидать согласно „теории крушения". Но и здесь он снова является жертвой собственного недоразумения. Было бы совершенно ошибочно толковать развитие крупной промышленности в том смысле, что по мере этого развития все средние предприятия должны одно за другим исчезнуть с лица земли.

В общем ходе капиталистического развития именно мелкие капиталы играют роль факторов технической революции в двух отношениях, относительно введения новых методов производства в старых, прочных и установившихся отраслях и относительно создания новых, еще не эксплоатированных крупными капиталами отраслей промышленности. Совершенно ложным является взгляд, будто развитие капиталистических средних предприятий идет по прямой линии к

постепенному падению. Фактически ход развития является скорее и здесь диалектическим и движется постоянно между противоречиями. Капиталистическое среднее сословие так же, как и рабочий класс, находится всецело под влиянием двух противоположных тенденций,—возвышающей и угнетающей его. Угнетающая тенденция заключается в данном случае в постоянном наростании масштаба производства, который периодически опережает производительную силу средних капиталов и таким образом устраняет их с поля борьбы. Возвышающая тенденция заключается, как в периодическом обесценивании существующих капиталов, которое снова на некоторое время понижает масштаб производства, соответственно ценности необходимого минимума капитала, так и в проникновении капиталистического производства в новые сферы. Борьбу средних производств с крупным капиталом нельзя представлять себе в виде неправильной битвы, в которой войско слабейшей стороны непосредственно прогрессивно убывает в своем числе, а скорее в виде периодического скашивания мелких капиталов, которые быстро вырастают снова, чтобы опять попасть под косу крупной промышленности. Из этих двух тенденций, играющих, как мячиком, капиталистическим средним сословием, в конце концов—в противоположность развитию рабочего класса—побеждает угнетающая его тенденция. Но это вовсе не должно обязательно проявляться в абсолютном численном уменьшении средних производств, а выражается, во-первых, в постепенно повышающемся минимуме капитала, который нужен для производств в старых отраслях, и, во-вторых, в постоянно уменьшающемся промежутке времени, в течение которого мелкие капиталы самостоятельно эксплоатируют новые отрасли производства. Вот почему период жизни индивидуального мелкого капитала делается все короче, все быстрее меняются методы производства и способы его приложения, для класса же в его целом отсюда следует постоянно ускоряющийся социальный обмен веществ.

Последнее прекрасно известно Бернштейну, и он подтверждает это. Но он, очевидно, забывает, что этим дается и самый закон капиталистического развития средних произ-

водств. Если мелкие капиталы являются передовыми борцами технического прогресса, и если прогресс в области техники есть жизненный нерв капиталистического хозяйства, то, очевидно, мелкие капиталы представляются неразлучными спутниками капиталистического развития и могут исчезнуть только одновременно с последним. Постепенное исчезновение средних производств, в смысле абсолютных суммарных чисел, что и имеет в виду Бернштейн, указывало бы не на революционный ход развития капитализма, как это он думает, а, совсем наоборот, на застой и спячку капитализма. „Норма прибыли, т.-е, относительное наростание капитала имеет прежде всего значение для всех новых, самостоятельно группирующихся отводков капитала. И как только образование капитала попало бы исключительно в руки немногих уже имеющихся крупных капиталов... оживляющий огонь производства вообще был бы погашен. Оно погрузилось бы в сон [1])".

Таким образом средства приспособления, о которых говорит Бернштейн, оказываются недействительными, и те явления, которые он считает симптомами приспособления, должны быть объяснены совсем другими причинами.

3. Введение социализма путем социальных реформ.

Бернштейн отвергает „теорию крушения", как исторический путь для осуществления социалистического общества. Каков же тот путь, который, с точки зрения „теории приспособления капитализма", ведет к этому? На этот вопрос Бернштейн ответил только намеками, а Конрад Шмидт сделал попытку дать более подробный ответ в духе Бернштейна [2]). По его мнению, „профессиональная борьба и по-

[1]) Marx, „Das Kapital", 3 Band, 1, S. 241; русск. перев., С.-Пб., 1896, стр. 202.

[2]) „Vorwärts" от 20-го февраля 1898. „Литературн. Обозрение". Мы считаем себя тем более в праве рассматривать взгляды Конрада Шмидта в связи со взглядами Бернштейна, что последний ни одним словом не опровергнул комментария к своим взглядам, напечатанного в „Vorwärts'e".

литическая борьба за социальные реформы ведут к все усиливающемуся контролю общества над условиями производства" и при посредстве законодательства „все более и более низводят собственника капитала путем ограничения его прав до роли администратора", пока, наконец, „руководство и управление производством не будет отнято у приниженного капиталиста, которому станет ясно, что его владение с каждым днем теряет для него самого всю свою ценность"; таким образом окончательно будет введено общественное производство.

Итак, профессиональные союзы, социальные реформы и, по мнению Бернштейна, еще политическая демократизация государства — вот средства постепенного введения социализма.

Начнем с профессиональных союзов. Их главная функция— это лучше кого-либо другого доказал в „Neue Zeit" семь лет тому назад сам Бернштейн—состоит в том, что для рабочих они служат средством провести в жизнь капиталистический закон заработной платы, т.-е. продажу рабочей силы по ее рыночной цене в данный момент. Услуга, которую профессиональные союзы оказывают пролетариату, состоит в том, что они дают ему возможность использовать в своих интересах существующую в каждый данный момент рыночную конъюнктуру. Но сама конъюнктура, т. е., с одной стороны, спрос на рабочую силу, зависящий от состояния производства, с другой стороны, предложение рабочей силы, созданное пролетаризацией и естественным размножением, и, наконец, данная степень производительности труда—все это лежит вне сферы влияния профессиональных союзов. В силу этого они не могут уничтожить закон заработной платы; они могут в лучшем случае ввести капиталистическую эксплоатацию в „нормальные" для данного момента границы, но ни в каком случае не способны, хотя бы постепенно, уничтожить ее.

Конрад Шмидт видит, конечно, в современном профессиональном движении слабую начальную стадию и ждет, что впоследствии профессиональная организация будет все больше и больше влиять на регулирование самого произ-

водства. Но под регулированием производства можно понимать только одно из двух: или вмешательство в техническую сторону процесса производства, или определение размеров самого производства. Какой характер может иметь в обоих этих вопросах влияние профессиональных союзов? Ясно, что в отношении техники производства интерес отдельного капиталиста вполне совпадает с прогрессом и развитием капиталистического хозяйства. Собственный интерес побуждает его к техническим усовершенствованиям. Положение отдельного рабочего по отношению к этому вопросу, напротив, как раз обратное: всякий технический переворот противоречит интересам рабочих, имеющих к нему прямое отношение, и непосредственно ухудшает их положение, обесценивая рабочую силу. И поскольку профессиональный союз может вмешиваться в техническую сторону производства, он, очевидно, может действовать только в последнем смысле, в интересах непосредственно затронутых отдельных групп рабочих, т.-е. противиться нововведениям. Но в таком случае он действует не в интересах рабочего класса вообще, не в интересах его освобождения, так как эти интересы совпадают с техническим прогрессом, или, иначе говоря, с интересами отдельных капиталистов; и, следовательно, профессиональный союз, наоборот, играет в руку реакции. В самом деле, стремления воздействовать на техническую сторону производства мы находим не в будущем профессионального движения, где его ищет Конрад Шмидт, а в прошлом. Они являются отличительной чертой более ранней стадии английского тред-юнионизма (до 60-х годов), когда последний еще не расстался с цеховыми пережитками средневековья и, что характерно, руководствовался устарелым принципом „приобретенного права на приличную работу“ [1]). Стремление профессиональных союзов устанавливать размеры производства и товарные цены есть, напротив, явление более позднего времени. Только в самое последнее время мы встречаемся—и опять-таки только в

[1]) Webb, „Theorie und Praxis der Gewerkschaften.“ 2. B. S. 100. (Вебб, „Теория и практика тред-юнионов“).

Англии—с возникновением таких попыток [1]); но и эти стремления по своему характеру и тенденции совершенно равноценны тем. Ведь к чему должно свестись активное участие профессионального союза в определении размера и цен товарного производства? К союзу рабочих и предпринимателей против потребителя, действующему с помощью принудительных мер против конкурирующих предпринимателей,—мер, которые ни в чем не уступают методам правильно организованных союзов предпринимателей. В сущности, это уже не борьба между трудом и капиталом, а солидарная борьба капитала и рабочей силы против потребляющего общества. По своему социальному характеру, это—реакционное начинание, которое уже по одному тому не может служить этапом в освободительной борьбе пролетариата, что представляет собою скорее нечто прямо противоположное классовой борьбе. По своему практическому значению, это—утопия, которая, как показывает некоторое размышление, никогда не может распространиться на более значительные и производящие на мировой рынок отрасли промышленности.

Итак, деятельность профессиональных союзов ограничивается, в сущности, борьбою из-за заработной платы и сокращения рабочего дня, т.-е. регулированием капиталистической эксплоатации сообразно с условиями рынка; воздействие же на процесс производства по самому их существу для них совершенно невозможно. Даже больше, все развитие профессиональных союзов направлено к совершенному прекращению непосредственных отношений между трудовым и остальным товарным рынком, что является прямой противоположностью утверждениям Конрада Шмидта. Самым характерным в данном случае является факт, что даже стремление хотя бы пассивно установить непосредственное отношение между рабочим договором и общим положением производства путем системы скользящей скалы заработной платы в настоящее время уже отжило, и что английские тред-юнионы начинают все больше отказываться от нее [2]).

[1]) Webb, „Theorie und Praxis der Gelberkschaften" S. 115.

[2]) Там же, S. 115.

Но и в фактических границах своего влияния профессиональное движение не расширяется так неограниченно, как это предполагает теория приспособления капитала. Совсем наоборот. Рассматривая более значительные периоды социального развития, нельзя скрыть того факта, что мы идем навстречу временам упадка профессионального движения, а не сильного его подъема. Раз развитие промышленности достигло своего апогея и на мировом рынке наблюдается „кривая понижения" капитала, профессиональная борьба становится трудной вдвойне: во-первых, ухудшается для рабочей силы объективная конъюнктура рынка, так как спрос растет медленнее, а предложение, наоборот развивается быстрее, чем это наблюдается теперь; во-вторых, сам капитал, стремясь вознаградить себя за понесенные на мировом рынке потери, накладывает руку на принадлежащую рабочему долю продукта. Ведь понижение заработной платы является одним из наиболее действительных средств удержать от падения норму прибыли [1]). Англия дает нам картину начала второй стадии профессионального движения. Здесь оно сводится по необходимости все больше к простой защите уже завоеванного, но и это становится с каждым днем все труднее. Другой стороной и дополнением указанного общего хода дел должен явиться подъем политической и социалистической классовой борьбы.

Такую же ошибку в смысле неправильности исторической перспективы Конрад Шмидт делает в отношении социальной реформы, от которой он ждет, что она „рука об руку с профессиональными коалициями рабочих продиктует классу капиталистов условия, на которых последние могут употреблять рабочие силы". Понимая в таком смысле социальную реформу, Бернштейн именует фабричные законы частью „общественного контроля", а в качестве такового — частью социализма. Конрад Шмидт употребляет повсюду, где он говорит о государственной защите труда, выражение „общественный контроль", и, превратив столь благополучно государство в общество, он, уже утешившись, прибавляет:

---

[1]) K. Marx, „Das Kapital" 3 B., I. S. 216; русск. пер., стр. 181.

„т.-е. развивающийся рабочий класс"; с помощью такой операции невинные постановления германского союзного совета об охране труда превращаются в социалистические переходные меры германского пролетариата.

Мистификация бросается здесь в глаза. Ведь современное государство—не „общество" в смысле развивающегося рабочего класса, а представитель капиталистического общества, т.-е. классовое государство. Поэтому и проводимые им социальные реформы—отнюдь не проявление „общественного контроля", т.-е. контроля свободно трудящегося общества над собственным трудовым процессом, а проявление контроля классовой организации капитала над производственным процессом капитала. Здесь, т.-е. в интересах капитала, и лежат естественные границы социальной реформы. Понятно, как Бернштейн, так и Конрад Шмидт видят в настоящее время также и здесь только „слабую начальную стадию" и надеятся в будущем на неограниченное развитие социальных реформ в пользу рабочего класса. Но они впадают при этом в такую же ошибку, как и при предположении постоянного роста профессионального движения.

Теория постепенного введения социализма путем социальных реформ предполагает—и в этом ее центр тяжести—определенное объективное развитие как капиталистической собственности, так и государства. В отношении первой будущее развитие, как предполагает в своей схеме Конрад Шмидт, идет к тому, чтобы „путем ограничения собственника капитала в его правах низвести его мало-по-малу до роли администратора". В виду будто бы невозможности разом и внезапно экспроприировать средства производства, Конрад Шмидт создает себе теорию постепенной экспроприации. Для этой цели он конструирует в качестве необходимой предпосылки теорию расщепления права собственности на „верховную собственность", которую он предоставляет „обществу" и которая, по его мнению, должна все расширяться, и на „право пользования", которое в руках капиталиста превращается с течением времени в простое управление. Если это построение не больше чем невинная игра слов, под которой не скрывается ничего серьезного,

тогда теория постепенной экспроприации остается голословной; если же оно представляет серьезную схему правового развития, тогда оно совершенно ошибочно. Отделение друг от друга содержащихся в праве собственности различных правомочий, к которому Конрад Шмидт прибегает для доказательства своей теории „постепенной экспроприации" капитала, характерно для общества с феодально-натуральным хозяйством, когда распределение продукта между различными общественными классами происходило натурой, на основании личных отношений. Распадение собственности на различные части отражало здесь заранее данную организацию распределения общественного богатства. С переходом к товарному производству и с уничтожением всех личных связей между отдельными участниками производственного процесса упрочилось, наоборот, отношение между человеком и вещью—частная собственность. Так как распределение совершается уже не на основании личных отношений, а путем обмена, то отдельные права на участие в общественном богатстве измеряются уже не частицами права собственности на общую вещь, а ценностью, доставляемой каждым на рынок.

Первым переворотом в правовых отношениях, сопровождавшим появление товарного производства в городских общинах средних веков, было образование абсолютной замкнутой частной собственности в лоне феодальных правоотношений, основанных на разделении собственности. В капиталистическом производстве это развитие прокладывает себе дальнейший путь. Чем дальше идет обобществление производственного процесса, тем более процесс распределения опирается на чистый обмен, и тем более неприкосновенной и замкнутой становится частная собственность. До тех пор, пока капиталист сам управляет фабрикой, распределение до известной степени связано с личным участием в процессе производства. По мере того, как личное управление фабриканта становится излишним,—а в акционерных компаниях это уже совершившийся факт,—собственность на капитал, в качестве основания притязаний при распределении, совершенно отделяется от личных отношений в производстве и проявляется в своем чистейшем и замкнутом виде. В акционерном

капитале и в промышленном кредитном капитале капиталистическое право собственности достигает впервые своего полного развития.

Историческая схема К. Шмидта „от собственника на степень простого администратора" представляет собою, таким образом, фактическое развитие, представленное обратно действительности, которое, наоборот, ведет от собственника и администратора к чистому собственнику.

Здес с К. Шмидтом происходит то же, что с Гёте:

Was er besitzt, das sieht er wie im weiten.
Und was verschwand, wird Ihm zu Wirklichkeiten [1]).

И подобно тому, как его историческая схема в экономическом отношении идет вспять от новейших акционерных компаний к мануфактурной фабрике или даже к ремесленным мастерским, точно также в правовом отношении она стремится втиснуть капиталистический мир в скорлупу феодально-натурального хозяйства.

Но и с этой точки зрения, „общественный контроль" является тоже не в том свете, в каком он рисуется Конраду Шмидту. То, что в настоящее время функционирует, как „общественный контроль",—охрана труда, надзор за акционерными компаниями и т. д., фактически не имеет ничего общего с участием в праве собственности, с „верховной собственностью". Этот контроль действует не в качестве ограничения капиталистической собственности, а, наоборот, как ее охрана. Или, выражаясь экономическим языком, он является не вмешательством в капиталистическую эксплоатацию, а нормирует, вносит известный порядок в эту эксплоатацию. И если Бернштейн ставит вопрос, много или мало социализма содержит фабричный закон, то мы можем его уверить, что самый лучший из фабричных законов содержит в себе столько же социализма, сколько и постановление городской думы о чистке улиц и зажигании газовых фонарей, которое тоже ведь есть „общественный контроль".

[1]) То, чем он действительно владеет, представляется ему как бы где-то далеко, далеко, а то, что уже исчезло, он принимает за действительность.

4. Таможенная политика и милитаризм.

Вторым условием постепенного введения социализма является, по Э. Бернштейну, развитие государства в общество. Утверждение, что современное государство есть классовое государство, сделалось уже общим местом. Однако, нам кажется, что и это положение, как и все, что имеет отношение к капиталистическому обществу следовало бы рассматривать не как абсолютную неизменяющуюся истину, а с точки зрения постоянного развития.

Политическая победа буржуазии превратила государство в капиталистическое государство. Конечно, само капиталистическое развитие значительно изменяет природу государства, постоянно увеличивая сферу его влияния, наделяя его новыми функциями, особенно в области экономической жизни, и в силу этого делая все более необходимым его вмешательство и контроль. Таким образом подготовляется будущее слияние государства с обществом, так сказать, обратный переход к обществу функций государства. Соответственно этому можно говорить также о развитии капиталистического государства в общество, и, несомненно, в этом смысле Маркс сказал, что охрана труда есть первый вид сознательного вмешательства „общества" в его социальный жизненный процесс,—положение, на которое ссылается Бернштейн.

Но, с другой стороны, в государстве, благодаря тому же самому капиталистическому развитию, происходит и другое изменение. Прежде всего, современное государство это—организация господствующего капиталистического класса. Если оно в интересах общественного развития берет на себя разнородные, имеющие общий интерес функции, то это происходит только потому и постольку, поскольку эти интересы и общественное развитие совпадают в общем с интересами господствующего класса. Так, например, в охране труда капиталисты, как класс, так же непосредственно заинтересованы, как и все общество. Но эта гармония продолжается лишь до известного момента капиталистического развития. Как только развитие достигло определенной вы-

соты, интересы буржуазии, как класса, и интересы экономической эволюции, даже в капиталистическом смысле, начинают расходиться. Мы думаем, что эта стадия уже наступила, и это выражается в двух важных явлениях современной социальной жизни: в таможенной политике и милитаризме. Оба они—таможенная политика и милитаризм—сыграли в истории капитализма свою необходимую и до известной степени прогрессивную революционную роль. Без охранительных пошлин не могла появиться в отдельных странах крупная промышленность. Но в настоящее время положение вещей иное. Во всех наиболее значительных странах и как раз именно в тех, где особенно развита таможенная политика, капиталистическое производство в среднем достигло почти одинаковых размеров. С точки зрения капиталистического развития, т.-е. с точки зрения мирового хозяйства, в настоящее время совершенно безразлично, вывозится ли больше товаров из Германии в Англию, или наоборот. С точки зрения этого развития, мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Больше того, он должен уйти. При современной взаимной зависимости различных отраслей промышленности охранительные пошлины на какие бы то ни было товары должны повысить внутри страны стоимость производства других товаров, т.-е. подорвать промышленность. Но не таковы интересы капиталистического класса. Промышленность для своего развития не нуждается в охранительных пошлинах, но зато они нужны предпринимателям для охраны своего сбыта. Это значит, что в настоящее время пошлины не служат более средством защиты развивающего капиталистического производства против другого, более развитого, а средством борьбы одной национальной группы капиталистов против другой. Далее, пошлины уже не нужны для охраны промышленности, для того, чтобы создать и завоевать внутренний рынок; они являются необходимым средством для создания картелей в промышленности, т.-е. для борьбы капиталистического производителя с потребляющим обществом. Наконец, специфический характер современной таможенной политики особенно ярко характеризуется тем фактом, что теперь повсюду ре-

шающая роль в этом вопросе вообще принадлежит не индустрии, а сельскому хозяйству, т.-е., иными словами, таможенная политика превратилась собственно в средство придать феодальным интересам капиталистическую форму и дать им проявиться в таком виде.

Те же самые изменения претерпел и милитаризм. Если мы посмотрим на историю не с точки зрения того, какой она могла и должна быть, если мы рассмотрим, какой она была на самом деле, то мы должны будем констатировать, что война была необходимым фактором капиталистического развития. Соединенные Штаты Северной Америки и Германия, Италия и Балканские государства, Россия и Польша—везде война сыграла роль условия или послужила толчком капиталистического развития, все равно кончилась ли она победой или поражением. До тех пор, пока существовали страны, где нужно было преодолеть их внутреннее раздробление или замкнутость—продукт их натурального хозяйства милитаризм играл революционную роль в капиталистическом смысле. Но в настоящее время и здесь дело обстоит иначе. Милитаризму не приходится больше открывать капитализму новых стран. Если Китай и превращается в настоящее время[1]) в арену грозных конфликтов, то, очевидно, дело идет не столько об открытии европейскому капитализму доступа в Китай, сколько о готовых европейских противоречиях, которые перенесены в Китай и там, на китайской почве, только созрели до конфликта. И в настоящее время как в Европе, так и в других частях света выступают с оружием в руках друг против друга не капиталистические страны против стран с натуральным хозяйством, а государства, которые вступают в конфликт именно благодаря одинаковой степени высоты их капиталистического развития. Для самого этого развития такой конфликт, если он разражается, может иметь при подобных условиях, конечно, только роковое значение, бесцельно вызывая в данном случае глубочайшее потрясение и переворот в экономической жизни всех капиталистических стран. Но совсем иначе представляется дело

---

1) Это писалось в 1898—1899 году.

с точки зрения класса капиталистов. Для них милитаризм в настоящее время сделался необходимым в трех отношениях: во-первых, как средство борьбы конкурирующих „национальных" интересов против других национальных групп; во-вторых, как важнейший способ помещения как для финансового, так и для промышленного капитала, и в-третьих, как орудие классового господства внутри страны против рабочего класса; но все эти интересы не имеют ничего общего с развитием капиталистического мирового хозяйства. И что опять-таки всего лучше обнаруживает характер современного милитаризма—это, во-первых, общий рост его во всех странах, стремящихся как бы обогнать друг друга, рост, так сказать, под влиянием собственных, изнутри действующих, механических сил; это явление было еще совершенно неизвестно несколько десятилетий тому назад. Далее, характерна неизбежность, фатальность приближающегося взрыва и в то же время полнейшая невозможность заранее определить поводы, непосредственно заинтересованные государства, предмет спора и другие подробности. Из двигателя капиталистического развития милитаризм превратился в капиталистическую болезнь.

В описанном противоречии между общественным развитием и господствующими классовыми интересами государство становится на сторону последних. В своей политике государство, подобно буржуазии, вступает в противоречие с общественным развитием, все более теряя, таким образом характер представителя всего общества и становясь в такой же мере чисто классовым государством. Или, правильнее выражаясь, оба эти свойства отделяются друг от друга и обостряются во внутреннее противоречие самой сущности государства; и с каждым днем это противоречие все более обостряется. Дело в том, что, с одной стороны, постоянно увеличивается круг имеющих общий характер функций государства, его вмешательство в общественную жизнь и его „контроль" над нею; с другой стороны, классовый характер заставляет его все более переносить центр тяжести своей деятельности и все свои средства в такие области, которые являются полезными только для классовых

интересов буржуазии, для общества же имеют только отрицательное значение; таковы милитаризм, таможенная и колониальная политика. Но в силу этого и его „общественный контроль“ все более проникается классовым характером (например, применение охраны труда во всех странах, за исключением Англии).

Указанным изменениям, происходящим в самом существе государства, не противоречит, а скорее вполне соответствует развитие демократии, в котором Бернштейн также видит средство постепенного введения социализма.

По мнению К. Шмидта, достижение социал-демократического большинства в парламенте есть даже прямой путь к постепенной социализации общества. Демократические формы политической жизни представляют, несомненно, такое явление, в котором сильнее всего обнаруживается развитие государства в общество и поскольку оно служит этапом к социалистическому перевороту. Однако, это противоречие в самом существе капиталистического государства, охарактеризованное выше, еще ярче проявляется в современной демократии. Правда, по форме своей демократия должна именно служить для выражения в государственной организации интересов всего общества, но, на самом деле, она является выражением только капиталистического общества, т.-е. общества, в котором руководящее значение имеют капиталистические интересы. Таким образом эти, демократические по своей форме, учреждения являются, по своему содержанию, орудием господствующих классовых интересов. Это наиболее рельефно выражается в том факте, что, как только демократия проявляет тенденцию отречься от своего классового характера и обратиться в орудие действительно народных интересов, эти самые демократические учреждения приносятся в жертву буржуазией и представляющим ее государством. При таких условиях идея о социал-демократическом большинстве в парламенте представляет собою расчет, принимающий во внимание только формальную сторону демократии и забывающий совершенно об ее реальном содержании. Демократия же вообще является не непосредственным социалистическим элементом, постепенно

пропитывающим капиталическое общество, как это полагает Бернштейн, а, наоборот, специфически капиталистическим средством довести капиталистические противоречия до полной зрелости и развития.

В виду такого объективного развития государства, положение Бернштейна и К. Шмидта о постоянно развивающемся и непосредственно вводящем социализм „общественном контроле" превращается в фразу, с каждым днем все более противоречащую действительности.

Теория постепенного введения социализма сводится к постепенному реформированию—в направлении к социалистическому строю—капиталистической собственности и капиталистического государства. Однако, оба они в силу объективных условий жизни современного общества развиваются как раз в противоположном направлении. Производственный процесс все более обобществляется, и вмешательство, контроль государства над этим процессом становится все шире; но в то же самое время капиталистическая частная собственность становится все более замкнутой и неприкосновенной, а государственный контроль все более проникается исключительно классовыми интересами. Таким образом государство, т.-е. политическая организация, и отношения собственности, т.-е. правовая организация капитализма, по мере развития приобретая все более капиталистический, а не социалистический характер, ставят теории постепенного введения социализма два непреодолимых препятствия.

Идея Фурье—сразу путем системы фаланстер превратить всю морскую воду земного шара в лимонад — была очень фантанстична; но идея Бернштейна—превратить море капиталистической горечи, постепенно подливая социал-реформаторского лимонада в море социалистической сладости—только более нелепа, но ничуть не менее фантастична.

Производственные отношения капиталистического общества все более приближаются к социалистическому, но зато его политические и правовые отношения воздвигают все более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом. Но социальные реформы и развитие демократии не пробьют брешь в этой стене, а, наоборот,

сделают эту стену еще выше и крепче. Только удар молота революции, т.-е. захват политической власти пролетариатом, может разрушить эту стену.

5. Практические выводы и общий характер теории.

В первой части мы старались доказать, что теория Бернштейна переносит социалистическую программу с почвы материальной на идеалистическую. Это относится к теоретическому обоснованию. Какова же эта теория в применении ее на практике? С первого взгляда и формально она ничем не отличается от обычной практики социал-демократической борьбы. Профессиональные союзы, борьба за социальные реформы и демократизацию политических учреждений— ведь все это составляет также содержание партийной деятельности социал-демократов. Следовательно, разница не в содержании, а в форме. При настоящем положении вещей профессиональная и парламентская борьба рассматривается, как средство политически воспитать пролетариат и постепенно привести его к захвату политической власти. По взглядам же Бернштейна, в виду невозможности и бесполезности такого захвата, вышеупомянутая борьба должна вестись только ради непосредственных результатов, т.-е. для поднятия материального положения рабочих, постепенного ограничения капиталистической эксплоатации и расширения общественного контроля. Если не говорить о цели непосредственного улучшения положения рабочего класса, которая обща обоим теориям,—как теории, принятой до сих пор партией, так и теории Бернштейна,—то вся разница, коротко говоря, выражается в следующем: по общепринятому взгляду, социалистическое значение профессиональной и политической борьбы состоит в том, что она подготовляет пролетариат, т.-е. субъективный фактор социалистического переворота, к проведению этого переворота. По мнению Бернштейна, она состоит в том, чтобы путем профессиональной и политической борьбы постепенно ограни-

чивать самое капиталистическую эксплоатацию, постепенно лишать капиталистическое общество его капиталистического характера и придать ему характер социалистический, одним словом, осуществить в объективном смысле социалистический переворот. При ближайшем рассмотрении оба эти взгляда оказываются прямо противоположными друг другу. По общепринятому партийному взгляду, при помощи профессиональной и политической борьбы пролетариат приводится к убеждению, что путем такой борьбы немыслимо существенно улучшить его положение, и что неизбежен, в конце концов, захват политической власти. Теория Бернштейна, исходя из невозможности захвата политической власти, предполагает возможность введения социалистического строя при помощи только профессиональной и политической борьбы.

Таким образом признание теорией Барнштейна социалистического характера профессиональной и, парламентской борьбы объясняется верой в ее постепенное социализирующее влияние на капиталистическое хозяйство. Но таковое влияние, как мы старались показать, существует только в воображении. Капиталистические институты собственности и государства развиваются в совершенно противоположном направлении; но в таком случае повседневная практическая борьба социал-демократии теряет, в конце концов, вообще, всякое отношение к социализму. Громадное социалистическое значение профессиональной и политической борьбы состоит в том, что она делает социалистическими понятия, сознание рабочего класса. Другое дело, если рассматривать ее, как средство прямой социализации капиталистического хозяйства: в этом случае она не только не может оказать приписываемого ей влияния, но и лишается единственно возможного социального значения—перестает служить средством подготовления рабочего класса к пролетарской революции.

Поэтому полнейшим недоразумением являются успокоительные заявления Бернштейна и К. Шмидта, будто перенося борьбу в область социальных реформ и профессиональных союзов, они не лишают рабочего движения его конечной цели, так как де всякий шаг на этом пути требует следующего,

и, таким образом, социалистическая цель остается в движении в качестве его тенденции. Это, конечно, совершенно справедливо для современной тактики немецкой социал-демократии, т. е. при том условии, что профессиональной и социал-реформаторской борьбе предшествует, как путеводная звезда, сознательное и твердое стремление к завоеванию политической власти. Но если отделить это стремление от движения и превратить социальную реформу в самоцель, то она на самом деле не только не приведет к осуществлению социалистической конечной цели, а скорее к противоположным результатам. Конрад Шмидт полагает попросту на, так сказать, механическое движение, которое, раз начавшись, уже не может само собой остановиться; он основывается на том простом положении, что аппетит приходит во время еды, и что рабочий класс никогда не удовлетворится реформами, пока не совершится социалистический переворот. Последнее предположение верно, и за это нам ручается недостаточность самих капиталистических социальных реформ; но сделанный отсюда вывод мог бы быть верен только в том случае, если бы возможно было создать непрерывную цепь постоянно растущих и развивающихся социальных реформ, непосредственно соединяющую настоящий строй с социалистическим. Но это—фантазия: эта цепь силою вещей очень скоро должна оборваться, и движение может принять тогда различные направления.

Тогда всего скорее и вероятнее изменится тактика в том смысле, что всеми средствами станут добиваться практических результатов борьбы—социальных реформ. Непримиримая, суровая классовая точка зрения, имеющая смысл только при стремлении к завоеванию политической власти, приобретает все больше и больше значение отрицательной силы, как только непостредственно практические результаты являются главной целью движения; следовательно, ближайшим шагом в таком случае является политика компенсаций, политика примирений и государственной мудрости. Но при таких условиях движение не в состоянии постоянно сохранять равновесие. Раз социальная реформа в капиталистическом мире всегда была и останется пустым орехом, то, какую бы

тактику мы ни применяли, ее следующим логическим шагом будет разочарование в социальной реформе, т.-е. в той тихой пристани, где бросил якорь Шмоллер и К⁰ после того, как он, объехав по социал-реформаторским водам весь свет, решил предоставить все воле Божьей. Итак, социализм не представляет собою внутренней тенденции повседневной борьбы рабочего класса, а лежит лишь, с одной стороны, во все более обостряющихся объективных противоречиях капиталистического хозяйства, с другой стороны—в субъективном сознании рабочего класса неизбежности устранения этих противоречий только путем социального переворота. Если отрицать первое и отбросить второе, как это делает Бернштейн в своей теории, то сейчас же все движение сведется к простому профессионализму и социал-реформаторству, а затем собственная сила тяжести приведет и к отказу от класссовой точки зрения.

Эти выводы вполне подтверждаются и в том случае, если рассматривать теорию Бернштейна еще с другой точки зрения и поставить себе вопрос: каков общий характер этой теории? Ясно, что Бернштейн не стоит на почве капиталистических отношений и не отрицает вместе с буржуазными экономистами противоречий этих отношений. Более того, в своей теории он, как и марксистская теория, исходит из этих противоречий. Но, с другой стороны,—и это составляет как главное ядро его рассуждений вообще, так и основное отличие от принятой социал-демократической теории,—он не опирается в своей теории на уничтожение этих противоречий путем их собственного последовательного развития.

Его теория занимает средину между двумя крайностями; он не хочет, чтобы противоречия достигли полной зрелости с тем, чтобы путем революционного переворота уничтожить их; наоборот, он стремится обломать их острие, притупить их. Так, согласно его теории, прекращение кризисов и организации предпринимателей должны притупить противоречие между производством и обменом; поднятие положения пролетариата и дальнейшее существование среднего сословия должны притупить противоречие между трудом и капиталом, а возрастающий контроль и демократия

уменьшат противоречие между классовым государством и обществом.

Понятно, и общепринятая тактика социал-демократии также не состоит в том, чтобы дожидаться развития противоречий до высшей точки и тогда уничтожить их путем переворота. Наоборот, опираясь на заранее данное направление развития, она затем доводит в политической борьбе его выводы до крайних пределов; она предвосхищает их, так сказать, учитывает дальнейшее объективное развитие и в каждый данный момент стоит на почве вполне развившихся противоречий: ведь в этом вообще состоит сущность всякой революционной тактики. Так, например, социал демократия борется с пошлинами и милитаризмом и тогда, когда они играют еще революционную роль в капиталистическом развитии. Бернштейн же в своей тактике исходит вообще не из дальнейшего развития и обострения капиталистических противоречий, а из притупления их. Он сам наиболее удачно охарактеризовал это, говоря о „приспособлении" капиталистического хозяйства. Когда такой взгляд мог бы быть правилен? Все противоречия современного общества представляют собою простой результат капиталистического способа производства. Если мы предположим, что этот способ производства будет развиваться дальше в том же направлении, как и теперь, то вместе с ним неразрывно должны развиваться и все связанные с ним последствия, т.-е. противоречия должны становиться более резкими, обостряться, а не притупляться. Притупление противоречий предполагает, напротив, что и капиталистический способ производства задерживается в своем развитии. Одним словом, наиболее общей предпосылкой теории Бернштейна является приостановка капиталистического развития.

Но этим самым его теория сама и произносит над собой приговор и даже двойной приговор. Прежде всего, она обнаруживает свой утопический характер по отношению к социалистической конечной цели (вполне понятно, что приостановленный в своем развитии капитализм не может вести к социалистическому перевороту), и это подтверждает наше представление о практических выводах из этой тео-

рии. Во-вторых, она обнаруживает свой реакционный характер в отношении к быстро развертывающемуся на самом деле процессу капиталистического развития. Вследствие этого возникает вопрос: как объяснить или, вернее, как охарактеризовать теорию Бернштейна, если считаться с фактическим развитием капитализма?

Что экономические предпосылки, из которых исходит Бернштейн в своем анализе современных социальных отношений,—его теория „приспособления" капитализма,—ни на чем не основаны, это мы, смеем думать, доказали в первой части. Мы видели, что ни кредит, ни картели не могут быть признаны средством „приспособления" капиталистического хозяйства, что ни отсутствие кризисов, ни продолжающееся существование среднего сословия нельзя считать симптомами капиталистического приспособления. Но все эти упомянутые детали теории приспособления, помимо их явной ошибочности, отличаются еще одной общей характерной чертой. Эта теория рассматривает все интересующие ее явления экономической жизни не как органические части взятого в целом процесса капиталистического развития, не в их связи со всем хозяйственным механизмом, а вырванными из этой связи, самостоятельно, как jisdecta membra (разрозненные части) мертвой машины. Возьмем, например, теорию о приспособляющем влиянии кредита. Если рассматривать кредит, как естественно развивающуюся более высокую ступень обмена и в связи со всеми свойственными капиталистическому обмену противоречиями, то нельзя вместе с тем видеть в нем какое-то стоящее вне процесса обмена механическое „средство приспособления" точно так же, как нельзя назвать деньги, как таковые, товар, капитал „средствами приспособления" капитализма. Но ведь на известной ступени развития капиталистического хозяйства кредит ничуть не менее денег, товара и капитала является его органическим членом и на этой ступени он, опять-таки подобно им, представляет собою необходимую часть механизма этого хозяйства и орудие разрушения, так как кредит усиливает и воспроизводит его внутренние противоречия.

То же самое можно сказать о картелях и об усовершенствованных средствах сообщения.

Та же механическая и недиалектическая точка зрении проявляется и далее, когда Бернштейн принимает отсутствие кризисов за симптом „приспособления" капиталистического хозяйства. Для него кризисы представляют попросту расстройство хозяйственного механизма, а раз их нет, механизм может, конечно, функционировать беспрепятственно. Но фактически кризисы не являются „расстройством" в собственном смысле, или вернее, это—дефект, без которого капиталистическое хозяйство не может вообще обойтись. А если верно, что кризисы, выражаясь кратко, представляют собою единственно возможный на капиталистической почве и потому совершенно нормальный метод периодического разрешения противоречия между неограниченной способностью развития производительных сил и узкими границами их применения, то их следует признать органическими явлениями, неотделимыми от капиталистического хозяйства во всей его совокупности.

В „свободном от замешательств" ходе капиталистического производства заключаются для него большие опасности, чем даже самые кризисы. Ведь постоянное падение нормы прибыли, вытекающее не из противоречия между производством и обменом, а из развития производительности самого труда, имеет очень опасную тенденцию делать невозможным производство для всех мелких и средних капиталов и препятствовать образованию, а вместе с тем и развитию новых капиталов. Именно кризисы, являющиеся другим следствием того же самого процесса, путем периодического о б е с ц е н и в а н и я капитала, удешевления средств производства и парализования части деятельного капитала вызывают одновременно повышение прибыли, освобождая новым капиталам место в производстве и содействуя, таким образом, развитию последнего. Они являются поэтому средством раздуть потухающий огонь капиталистического развития, и их отсутсвие — не для какой-нибудь определенной фазы развития мирового рынка, как это полагаем мы, а отсутствие вообще— привело бы скоро капиталистическое хозяйство не к рас-

цвету, как думает Бернштейн, а прямо к гибели. Благодаря механическому способу понимания, которое характеризует всю теорию приспособления, Бернштейн не обращает внимания ни на положительное значение кризисов, ни на децентрализирующую тенденцию капитала; этим объясняется, между прочим, что постоянное возрождение мелких капиталов представляется ему признаком капиталистического затишья, а не нормального развития капитализма, как это есть на самом деле.

Существует, правда, точка зрения, с которой все рассмотренные явления представляются действительно в том виде, в каком их рисует теория приспособления. Это—точка зрения отдельных капиталистов, которые познают факты экономической жизни извращенными под влиянием законов конкуренции. Каждый капиталист в отдельности действительно прежде всего видит в каждом органическом члене хозяйственного целого нечто совершенно самостоятельное; далее, он видит их только с той стороны, как они воздействуют на него, отдельного капиталиста, т.-е. видит в них только „задержки“ или „средства приспособления“. Для отдельного капиталиста кризисы действительно только как „задержки“, и их прекращение гарантирует капиталисту более продолжительное существование; точно так же кредит для него есть средство „приспособлять“ свои недостаточные производительные силы к требованиям рынка; наконец, для него картель, в который он вступает, действительно устраняет анархию производства.

Одним словом, теория приспособления Бернштейна есть не более как теоретическое обобщение хода мысли отдельного капиталиста. Но не представляет ли собою этот ход мысли, теоретически выраженный, самой характерной сущности буржуазной вульгарной экономии? Все экономические ошибки этой школы покоятся именно на том недоразумении, что в явлениях конкуренции, рассматриваемых ими с точки зрения отдельных капиталистов, они видят явления, свойственные вообще капиталистическому хозяйству в его целом. И подобно тому, как Бернштейн смотрит на кредит, так вульгарная экономия смотрит на деньги, как на остро-

умное „средство приспособления“ к потребностям обмена. В самих явлениях капитализма она ищет противоядия от капиталистического зла; она верит вместе с Бернштейном в возможность регулировать капиталистическое хозяйство, и она, подобно Бернштейну, в конце концов, постоянно прибегает к теории притупления капиталистических противоречий, к пластырю для капиталистических ран, другими словами—к реакционным, а не революционным приемам, т.-е. к утопии. Итак, всю теорию Бернштейна можно характеризовать следующим образом: теория Бернштейна это—теория социалистического застоя, обоснованная в духе вульгарных экономистов на теории застоя капиталистического.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

1. Экономическое развитие и социализм.

Самым крупным приобретением в развитии пролетарской классовой борьбы было открытие исходных точек приложения для осуществления социализма в экономических отношениях капиталистического общества. Благодаря этому открытию социализм из „идеала", каким он являлся для человечества в течение тысячелетий, превратился в историческую необходимость.

Бернштейн оспаривает существование этих экономических предпосылок социализма в современном обществе, но при этом сам в своих доказательствах проделывает очень интересную эволюцию. Вначале он в „Neue Zeit" отрицал только быстроту концентрации в индустрии, опираясь при этом на сравнение данных промышленной статистики Германии за 1895 и 1882 г. Но чтобы использовать эти данные для своих целей, ему пришлось прибегнуть к чисто-суммарным механическим приемам. Однако, и в лучшем случае Бернштейну своими указаниями на устойчивость средних производств не удалось ни на иоту поколебать анализ Маркса, так как последний не ставит условием осуществления социализма ни определенного темпа концентрации промышленности, иначе говоря, не устанавливает определенного срока для осуществления конечной цели социализма, ни абсолютного исчезновения мелких капиталов или мелкой буржуазии, как это мы показали выше.

---

[1]) По поводу книги Эд. Бернштейна: „Die Voraussetzungen des Sozialismus und bie Aufgabe der Sozialdemokratie".

При дальнейшем развитии своих взглядов Бернштейн, для доказательства их справедливости, приводит в своей книге новый материал—статистику акционерных обществ, которая должна показать, что число акционеров постоянно увеличивается, а следовательно, класс капиталистов не уменьшается, а, наоборот, становится все многочисленнее. Прямо поразительно, до чего мало Бернштейн знаком с имеющимся материалом и до чего плохо он умеет использовать его в своих интересах!

Если он думал с помощью акционерных обществ доказать что-либо противное Марксову закону промышленного развития, то ему следовало привести совсем другие цифры. Всякий, кто знаком с историей устройства акционерных обществ в Германии, знает, что основной капитал, приходящийся в среднем на одно предприятие, почти правильно уменьшается. Так, до 1871 г. этот капитал составлял около 10,8 миллионов марок, в 1871 году только 4,01 милл. марок, в 1873 г.—3,8 милл. марок, в 1883—1887 гг. менее одного миллиона марок, в 1891 г. только 0,56 милл. марок, в 1892 г.—0,62 милл. марок; затем эта сумма повышается на 1 милл., но с 1,78 милл. марок 1895 г. снова опускается в первой половине 1897 г. до 1,19 милл. марок [1]).

Поразительные цифры! На основании их Бернштейн, вероятно, вывел бы, в противовес Марксу, тенденцию перехода от крупной промышленности назад, к мелкой. Но в таком случае всякий мог бы возразить ему: если вы хотите что-либо доказать этой статистикой, то вы прежде всего должны показать, что она относится к одним и тем же отраслям промышленности, и что именно в них мелкие предприятия заняли место прежних крупных, а не появились там, где до этого момента не было ничего или имелись только ремесленные или карликовые предприятия. Но это вам не удастся доказать, так как переход от громадных акционерных предприятий к средним и мелким может быть объяснен только тем, что акционерное дело проникает постоянно в новые отрасли промышленности, и что если оно вначале

[1]) Von der Borght, „Handwörterbuch d. Staatswissenschaften J".

годилось только для небольшого количества колоссальных предприятий, то теперь оно все больше приспособляется к средним и даже мелким производствам (встречаются даже акционерные общества с капиталом менее 1.000 мар.).

Но что означает, с точки звения народного хозяйства, это все возрастающее распространение акционерных предприятий? Оно указывает на развивающееся обобществление производства в капиталистической форме, обобществление не только гигантских, но и средних и даже мелких производств, следовательно, указывает на явление, не только не противоречащее теории Маркса, но, наоборот, самым блестящим образом ее подтверждающее.

В самом деле, чем является акционерное предприятие с экономической стороны? Во-первых, соединением многих неденежных капиталов в один производительный капитал, в одну хозяйственную единицу; во-вторых отделением производства от собственности на капитал, следовательно, двойною победой над капиталистическим способом производства, но на почве капитализма. Но что означает в таком случае большое количество участников в одном предприятии, о котором говорит статистика Бернштейна? Только то, что в настоящее время одно капиталистическое предприятие связано не с одним собственником капитала, как прежде, а со все возрастающим числом капиталистов, что, таким образом, экономическое понятие „капиталист" не покрывается понятием „человек", что современный капиталист есть лицо собирательное, которое состоит из сотен, даже из тысяч лиц, что категория „капиталист" даже в рамках капиталистического хозяйства становится общественной, обобществляется.

Но в таком случае как объясняется, что Бернштейн рассматривает феномен акционерных обществ не как концентрацию капитала, а, наоборот, как раздробление его, что он видит развитие собственности на капитал там, где Маркс видит „уничтожение этой собственности"? Это можно объяснить очень простой ошибкой вульгарной экономии: Бернштейн понимает под капиталистом не категорию производства, а права собственности, не экономическую, а податную единицу, а под капиталом—не производственное целое, а

просто денежное имущество. Поэтому он видит в своем английском ниточном тресте не слияние 12.300 лиц в одно лицо, а целых 12.300 капиталистов; поэтому же он в своем инженере Шульце, получившем за женой от рантье Миллера „значительное число акций", тоже видит одного капиталиста: поэтому весь свет у него кишит „капиталистами" [1]).

Но здесь, как всегда, ошибка вульгарной экономии является у Бернштейна только теоретической основой для того, чтобы вульгализировать социализм. Перенося понятие капиталист из производственных отношений в отношения собственности и „вместо предпринимателя говоря о человеке", Бернштейн переносит вместе с тем вопрос о социализме из области производства в область имущественных отношений, из отношений капитала и труда в отношения богатства и бедности. Это благополучно приводит нас обратно от Маркса и Энгельса к автору „Евангелия бедного грешника", с тем лишь отличем, что Вейтлинг правильным пролетарским инстинктом распознал, в примитивной форме, в этом противоречии между богатством и бедностью классовые противоречия и хотел сделать его рычагом социали-

[1]) Notabene! Бернштейн считает, очевидно, большое распространение мелких акций доказательством того, что общественное богатство начинает изливать свою благодать—в форме акций—уже и на совсем маленьких людей. На самом деле, кто, кроме мелкого буржуа или даже рабочего, приобрел бы, например, акцию, стоящую такой пустяк, как 1 ф. стерл. или 20 марок! К сожалению, это предположение покоится на обыкновенной арифметической ошибке: оперируют с номинальной ценой акции вместо ее рыночной цены, а это не одно и то же. Возмем пример. На горнопромышленной бирже продаются, в числе прочих, и акции рудников южно-африканского побережья; номинальная цена этих акций, как большинства горнопромышленных акций—1 ф. ст.—20 мар. Но в настоящее время их цена равняется 43 ф. (см. биржевой бюллетень в конце марта), т.-е. не 20 марок, а 860! То же самое наблюдается, в общем, повсюду. Следовательно, „мелкие" акции, хотя это звучит и очень демократически, на самом деле в большинстве случаев являются среднебуржуазными, а ни в каком случае не мелкобуржуазными или тем более пролетарскими „ассигновками на получение общественного богатства", так как по номинальной цене они приобретаются только самой небольшой частью акционеров.

стического движения; Бернштейн же, напротив, видит надежду на социализм в превращении бедных в богатых, т.-е. в затушевывании классовых противоречий, следовательно, в мелко-буржуазных приемах.

Правда, Бернштейн не ограничивается подоходной статистикой. Он приводит нам также промышленную статистику даже не одной, а нескольких стран: Германии и Франции, Англии и Швейцарии, Австрии и Соединенных Штатов. Но что это за статистика! Это не сравнительные цифры различных периодов одной какой-нибудь страны, а цифры, относящиеся к одному периоду в различных странах. За исключением Германии, где он повторяет свое старое сопоставление 1895 и 1882 гг., он сравнивает не состояние групп предприятий одной какой-нибудь страны в различные моменты, а только абсолютные цифры, относящиеся к различным странам (к Англии за 1891 г., Франции за 1894 г., Соединенным Штатам за 1890 г. и т. д.). Вывод, к которому он приходит, тот, „что если крупное производство в промышленности фактически и имеет в настоящие время перевес, в нем занято, считая и все связанные с ним производства, даже в такой развитой стране, как Пруссии, maximum только половина всего населения, занято вообще в производстве"; то же самое во всей Германии, Англии, Бельгии и т. д.

Этим он, очевидно, устанавливает не ту или другую тенденцию экономического развития, а только количественное соотношение различных форм предприятий или различных профессиональных групп. Если это должно доказать безнадежность социализма, то такой способ доказательств основывается на теории, по которой исход социальных стремлений зависит от численного физического соотношения сил борющихся, т.-е. просто от физической силы. Здесь Бернштейн, везде и повсюду громящий бланкизм, сам впадает для разнообразия в грубейшую ошибку бланкистов, правда, опять с той разницей, что бланкисты, в качестве социалистов и революционеров, предполагали, как нечто само собой понятное, экономическую осуществимость социализма и строили на этом надежды на насильственную революцию, пред-

принятую хотя бы небольшим меньшинством, между тем как Бернштейн, наоборот, из недостаточно значительного численного превосходства народных масс делает вывод об экономической безнадежности социализма. Социал-демократия не связывает своей конечной цели ни с насильственной победой меньшинства, ни с численным превосходством большинства; она исходит из экономической необходимости и понимания этой необходимости, которая прежде всего выражается в капиталистической анархии.

Что касается этого последнего решающего вопроса об анархии в капиталистическом хозяйстве, то сам Бернштейн отрицает только большие и всеобщие кризисы, а не частичные и национальные. Этим он отрицает только слишком большую анархию, признавая в то же время существование ее в небольшом объеме. Капиталистическое хозяйство напоминает у Бернштейна—выражаясь словами Маркса—ту глупую девушку, у которой оказался „только очень маленький ребенок". Роковое значение имеет то, что в таких вещах, как анархия, и мало, и много—одинаково скверно. Раз Бернштейн признает немного анархии, то уже механизм товарного хозяйства сам позаботится, чтобы усилить эту анархию до ужасных размеров—до крушения. Но если Бернштейн надеется, сохранив товарное производство, постепенно растворить эту маленькую анархию в порядке и гармонии, то он снова впадает в одну из самых коренных ошибок буржуазной вульгарной экономии, так как рассматривает способ обмена, как нечто независимое от способа производства [1]).

---

[1]) Бернштейн, правда, довольно подробно отвечает на некоторые пункты первой части этой брошюры, но самый способ ответа только обнаруживает затруднительность его положения. Так, например, в ответ на нашу критику по поводу его отрицания кризисов, он отделывается попытками убедить нас в том, что мы превратили всю теорию Маркса о кризисах в „музыку будущего". Но это значит—слишком свободно толковать наши слова, так как мы говорили только, что правильная механическая периодичность кризисов, точнее—десятилетний цикл кризисов, представляет схему, соответствующую лишь вполне развитому мировому рынку. Что же касается содержания Марксовой теории кризисов, то мы назвали его единственно научной формулировкой механизма и внутренних экономических причин всех до

Здесь не место приводить во всей ее полноте ту поразительную спутанность самых элементарных принципов политической экономии, которую проявил Бернштейн в своей книге. Но на одном пункте, к которому нас приводит основной вопрос капиталистической анархии, следует вкратце остановиться.

Бернштейн называет Марксов закон трудовой ценности простой абстракцией, что для него в политической экономии, очевидно, равносильно ругательству. Но если трудовая ценность не более как абстракция, как „мысленный образ", тогда всякий честный бюргер, отбывший воинскую повинность и уплативший подати, имеет такое же право, как и Маркс, состряпать из любой нелепости подобный „мысленный образ", т.-е. закон ценности. „Так же, как школе Бем-Джевонса дозволительно отвлечься от всех свойств товаров,

---

сих пор бывших кризисов. Еще поразительнее ответы Бернштейна на другие пункты нашей критики. Так, например, на наше указание, что картели не могут служить средством против капиталистической анархии, так как (это доказывает сахарная промышленность) они вызывают только усиленную конкуренцию на мировом рынке, Бернштейн говорит, что это, хотя и справедливо, но зато эта усиленная сахарная конкуренция создала в Англии обширное производство желе и мармелада. Этот ответ напоминает нам упражнение в первой части самоучителя Оллендорфа: „Рукав короток, но сапог узок. Отец велик, но мать легла спать".

С такой же логичностью Бернштейн отвечает на наши доказательства, что и кредит не может служить „средством приспособления" против капиталистической анархии, так как он скорее еще увеличивает эту анархию: кредит рядом с разрушительными обладает также и положительными „востановляюще-созидательными" свойствами, которые признавал и Маркс. Для того, кто, опираясь на теорию Маркса, видит в капиталистическом хозяйстве вообще все положительные предпосылки для будущего социалистического переворота, это указание на кредит не особенно ново. Дебатировался лишь вопрос, проявляется ли эта положительная сторона кредита, разрушающая границы капитализма, так же положительно и в капиталичтическом хозяйстве, в состоянии ли она обуздать анархию, как утверждал Бернштейн, или она сама выржодается в противоречие и усиливает еще анархию, как это указывали мы. Ссылка Бернштейн на „восстанавливающе-созидательное" свойство кредита, послужившая исходной точкой всех дебатов, представляет поэтому простое „теоретическое бегство" с дискуссионного поля.

кроме полезности, и Маркс с самого начала имел право непринимать во внимание свойств товаров настолько, что они, в конце-концов, превратились в простое овеществление масс простого человеческого труда" (русск. перев., стр. 73).

Итак, и общественный труд Маркса, и абстрактную полезность Менгера он сваливает в одну кучу—все это только абстракция. Но при этом Бернштейн забыл, что абстракция Маркса не выдумка, а открытие, что она существует не в голове Маркса, а в товарном хозяйстве, что она живет не воображаемой, а реальной и общественной жизнью, и это ее существование настолько реально, что ее режут, куют, взвешивают и чеканят. Этот открытый Марксом абстрактно-человеческий труд в своей развитой форме есть не что иное, как д е н ь г и. И это именно составляет одно из самых гениальных экономических открытий Маркса, между тем как для всей буржуазной экономии, от первого меркантилиста до последнего классика, мистическая сущность денег оставалась постоянно книгой за семью печатями.

Напротив, абстрактная полезность Бем-Джевонса есть, действительно, лишь „мысленный образ" или, вернее, образец отсутствия мысли и тупоумия, за который не ответственно ни капиталистическое, ни какое-либо другое человеческое общество, а только и всецело буржуазно-вульгурная экономия. С таким „мысленным образом" в голове Бернштейн, Бем и Джевонс могут вместе со всей своей субъективной компанией простоять перед таинством денег еще двадцать лет и притти только к тому решению, которое известно и без них всякому сапожнику: что деньги так-таки „полезная штука".

Таким образом Бернштейн окончательно потерял способность понять Марксов закон ценности. Но для того, кто хоть несколько знаком с экономической системой Маркса, будет вполне ясно, что без этого закона вся система остается совершенно непонятной, или, выражаясь конкретнее, при отсутствии понимания сущности товара и товарного обмена капиталистическое хозяйство и все связанное с ним должно остаться тайной.

Но что же это за волшебный ключ, который открыл Марксу доступ к самым сокровенным тайнам всех капитали-

стических явлений и дал ему возможность шутя разрешать такие проблемы, о существовании которых даже и не подозревали такие величайшие умы буржуазно-классической икономии, как Рикардо и Смит? Не что другое, как понимание всего капиталистического хозяйства, как исторического явления, считаясь не только с тем, что лежит позади него, как это в лучшем случае делала классическая экономия, но и с тем, что лежит впереди, не только в отношении натурально-хозяйственного прошлого, но и социалистического будущего. Секрет Марксовой теории ценности, его анализа денег, его теории капитала, а следовательно, и всей его экономической системы это преходящая природа капиталистического хозяйства, его крушение, следовательно—и это только другая сторона—социалистическая конечная цель. Именно и только потому, что Маркс рассматривал капиталистическое хозяйство с самого начала, как социалист, т. е. с исторической точки зрения, ему удалось расшифровать его иероглифы; а благодаря тому, что он сделал социалистическую точку зрения исходной точкой научного анализа буржуазного общества, он, наоборот, получал возможность научно обосновать социализм. Интересно сравнить с этим замечания Бернштейна в конце его книги, где он жалуется на „дуализм, который проникает весь великий труд Маркса", „дуализм, который состоит в том, что труд этот стремится быть научным исследованием и в то же время хочет доказать положения, установленные еще задолго до его составления, что в основе его лежит схема, заранее уже устанавливающая вывод, к которому в своем развитии должно было притти исследование. Возвращение к „Коммунистическому Манифесту" (здесь это значит—к социалистической цели! пр. авт.) указывает, что, действительно, остаток утопизма кроется еще в системе Маркса" (стр. 177, р. п. 313). Но „дуализм" Маркса есть не что иное, как дуализм социалистического будущего и капиталистического настоящего, капитала и труда, буржуазии и пролетариата; он является великим научным отражением существующего в буржуазном обществе дуализма, буржуазных классовых противоречий.

И если Бернштейн в этом теоретическом дуализме Маркса видит „остаток утопизма", то этим он только наивно признается в том, что отрицает в буржуазном обществе исторический дуализм, капиталистические классовые противоречия, что для него и социализм превратился в „остаток утопизма". Монизм Бернштейна—это монизм навеки упроченного капиталистического порядка, монизм социалиста, который отказался от конечной цели с тем, чтобы зато увидеть в единственном и неизменном буржуазном обществе предел человеческого развития.

Но если Бернштейн сам замечает трещины в экономическом здании капитализма, но не замечает развития в сторону социализма то для того, чтобы, по крайней мере, хотя бы формально, спасти социалистическую программу, ему приходится прибегать к лежащей вне экономического развития идеалистической конструкции и превратить самый социализм из определенной исторической фазы общественного развития в абстрактный „принцип".

Бернштейновский „принцип товарищества", который должен украсить капиталистическое хозяйство, этот самый жидкий отстой социалистической цели, является, таким образом, не уступкой со стороны его буржуазной теории социалистическому будущему, а уступкой социалистическому прошлому — Бернштейна.

2. Экономическая и политическая демократия.

Мы видели, что социализм Бернштейна сводится к плану допустить рабочих к участию в общественном богатстве, превратить бедных в богатых. Каким же образом это должно быть выполнено? В своих статьях „Probleme des Sozialismus" в „Neue Zeit" Бернштейн ограничивается только едва понятными намеками, но в своей книге он дает уже полный ответ на этот вопрос: его социализм должен быть осуществлен двумя путями: посредством профессиональных союзов, или, как Бернштейн называет это, посредством экономической демократии, и путем товариществ. С помощью пер-

вого средства он надеется захватить в свои руки промышленную, с помощью второго—торговую прибыль.

Что касается товариществ, и прежде всего производительных товариществ, то по своим внутренним свойствам они являются в капиталистическом хозяйстве каким-то двуполым существом: в небольших размерах социализированное производство при капиталистическом обмене. Но в капиталистическом хозяйстве обмен господствует над производством и, под влиянием конкуренции, делает ничем не сдерживаемую эксплуатацию, т.-е. полнейшее подчинение производственного процесса интересам капитала, условием существования предприятий. Практически же это выражается в необходимости насколько возможно усилить интенсивность труда, сократить или увеличить его, смотря по состоянию рынка, привлечь или выбросить на улицу рабочую силу, опять-таки в зависимости от требований рынка, одним словом, пустить в ход все приемы, делающие капиталистическое предприятие способным к конкуренции. В силу этого рабочие, объединенные в производительное товарищество, должны подчиниться полной самых острых противоречий необходимости: они должны применять к самим себе режим абсолютизма со всем, что с ним связано, и сами разыгрывать по отношению к самим же себе роль капиталистического предпринимателя. Эти противоречия ведут производительные товарищества к гибели, так как они или превращаются в капиталистические предприятия, или, если пересиливают интересы рабочих, совершенно распадаются. Констатируя сам такого рода факты, Бернштейн, однако, не понимает их и вместе с г-жей Поттер-Вебб видит в недостатке „дисциплины“ причину гибели производительных товариществ. То, что здесь поверхностно и неосновательно названо дисциплиной, есть не что иное, как естественный и неограниченный режим капитала, который, конечно, не могут проводить по отношению к себе сами рабочие.

Отсюда следует, что производительные товарищества могут обеспечить себе существование в капиталистическом хозяйстве только в том случае, если им удастся каким-нибудь обходом уничтожить скрывающееся в них противоречие

между способом производства и обмена, искусственно освободившись от подчинения законам свободной конкуренции. А это возможно только тогда, если они с самого начала обеспечат себе рынок сбыта, прочный круг потребителей. Средством для этого служат потребительные союзы. Только в этом, а не в различии между товариществами покупающими и продающими, или как там еще их называет Оппенгеймер, кроется рассматриваемый Бернштейном секрет, что самостоятельные производительные товарищества погибают, и только потребительные союзы способны обеспечить им существование.

Но если, таким образом, условия существования производительных товариществ связаны в современном обществе с условиями существования потребительных союзов, то отсюда следует и дальнейший вывод, что производительные товарищества в лучшем случае могут рассчитывать лишь на небольшой местный сбыт и на производство немногих продуктов непосредственного потребления, преимущественно жизненных припасов. Все наиболее важные отрасли капиталистического производства, как текстильное, добывание угля, металла и нефти, а также отрасль машинно-паровозо-и кораблестроения исключаются с самого начала из сферы действия потребительных, а следовательно, и производительных товариществ. Итак, производительные товарищества, помимо своего двойственного характера, уже по одному тому не могут иметь характера общей социальной реформы, что проведение их в жизнь повсюду предполагает прежде всего уничтожение мирового рынка и распадение существующего мирового хозяйства на небольшие местные группы для производства и обмена; а это по существу есть возвращение крупно-капиталистического хозяйства к средневековому товарному хозяйству.

Но и в пределах возможного осуществления на почве современного общества производительные товарищества неизбежно являются простыми придатками потребительных союзов, которые, таким образом, выступают на первый план в качестве главных носителей предполагаемых социалистических реформ. Но в таком случае вся социалистическая ре-

форма при посредстве товариществ превращается из борьбы против главной основы капиталистического хозяйства—производительного капитала—в борьбу с торговым капиталом, и притом с мелко-торговым и посредническим капиталом, т. е. исключительно с мелкими ответвлениями капиталистического ствола.

Что касается профессиональных союзов, которые, по мнению Бернштейна, должны также служить средством против эксплоатации со стороны производительного капитала, то мы уже выше показали, что они не способны обеспечить рабочим влияние на процесс производства ни в отношении размеров последнего, ни в отношении технических приемов.

Что же касается чисто экономической стороны, или, говоря словами Бернштейна, „борьбы нормы заработной платы с нормой прибыли", то и здесь эта борьба, как мы уже имели случай показать, ведется не в безвоздушном пространстве, а в определенных рамках закона заработной платы, так что она может не уничтожить, а лишь осуществить названный закон. Это становится ясным, если рассмотреть тот же предмет с другой стороны и задать себе вопрос, каковы собственно функции профессиональных союзов.

Профессиональные союзы, играющие, по мнению Бернштейна, роль наступающей стороны в освободительной борьбе рабочего класса с индустриальной нормой прибыли, которую они постепенно должны растворить в норме заработной платы, эти-то именно союзы и не в состоянии вести экономическую наступательную политику против прибыли. Ведь они не что иное, как организованная защита рабочей силы против нападений со стороны прибыли, защита рабочего класса против подавляющей его тенденции капиталистического хозяйства. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, задача профессиональных союзов—влиять при помощи организации на положение рынка товара—рабочей силы; но благодаря процессу пролетаризации средних слоев, которые постоянно доставляют на рынок труда новый товар, эта организация постоянно терпит крушения. Во-вторых, профессиональные союзы ставят себе целью улучшить положе-

ние рабочего класса, увеличить достающуюся на его долю часть общественного богатства. Но эта доля в силу увеличивающейся производительности труда постоянно понижается с неуклонностью явления природы. Чтобы убедиться в этом, вовсе не нужно быть марксистом, достаточно лишь хоть раз подержать в руках сочинение Родбертуса „Zur Beleuchtung der sozialen Frage“ („К освещению социального вопроса“).

Итак, профессиональная борьба в двух своих главных экономических функциях превращается, в силу объективных условий капиталистического хозяйства, в сизифов труд. Конечно, этот сизифов труд необходим, если только рабочий хочет добится установления заработной платы, соответствующей данному положению рынка, если только должен получить осуществление капиталистический закон заработной платы, если должно быть парализовано или, правильнее, ослаблено влияние подавляющей тенденции экономического развития. Но превращение профессиональных союзов в средство постепенного понижения прибыли в пользу повышения заработной платы должно иметь, в качестве социальной предпосылки, во-первых, прекращение пролетаризации средних слоев и прекращение роста рабочего класса, во-вторых, приостановку развития производительности труда, т.-е. в обоих случаях предполагает обратное возвращение к периоду, предшествовавшему крупно-капиталистическому хозяйству, точно так же, как это предполагает и установление хозяйственного уклада, основанного на потребительных союзах. Таким образом оба бернштейновские средства социалистической реформы—товарищества и профессиональные организации—оказываются совершенно неспособными преобразовать капиталистический способ производства. В сущности, Бернштейн сам смутно сознает это, рассматривая их только, как средство урвать сколько-нибудь из капиталистической прибыли и обогатить татаким способом рабочий класс. Но в таком случае он отказывается от борьбы с капиталистическим производством и направляет социал-демократическое движение против капиталистического распределения. Он не раз формулирует свой социализм, как стремление к „спра-

ведливому", к „более справедливому" и даже к „еще более справедливому" распределению.

Конечно, первым толчком к участию в социал-демократическом движении, по крайней мере у народных масс, служит „несправедливое" распределение, господствующее в капиталистическом строе. Борясь за обобществление всего хозяйства в целом, социал-демократия борется вместе с тем, понятно, и за „справедливое" распределение общественного богатства. Но благодаря открытию Маркса, что данное распределение есть только естественное следствие данного способа производства, борьба ее направлена не против распределения в рамках капиталистического производства, а на уничтожение самого товарного производства. Одним словом, социал-демократия стремится осуществить социалистическое распределение путем устранения капиталистического способа производства, тогда как Бернштейн стремится к совершенно обратному: он хочет устранить капиталистическое распределение, надеясь таким путем постепенно осуществить социалистический способ производства.

Но чем обосновать в данном случае социалистическую реформу Бернштейна? Определенными тенденциями капиталистического производства? Отнюдь нет. Во-первых, он сам отрицает эти тенденции, а во-вторых, то преобразование производства, к которому мы сремимся, представляется ему, согласно вышеизложенному, не причиной, а результатом распределения. Следовательно, обоснование его социализма не может быть экономическим. Принимая средства социализма за его цель и наоборот, а вместе с тем переместив и все экономические отношения, он не может дать своей программе материалистическое обоснование, а вынужден прибегнуть к идеалистическому.

„К чему выводить социализм из экономической необходимости?" слышим мы его вопрос. „К чему принижать ум, сознание права и волю человека?" („Vorwärts", 26-го марта 1899 г.). Следовательно, бернштейновское более справедливое распределение должно быть осуществлено в силу свободной, не находящейся в зависимости от экономической

необходимости, воли человека или, точнее, так как сама воля является только орудием, в силу познания справедливости, в силу идеи справедливости.

Итак, мы преблагополучно пришли к принципу справедливости,—этому старому заезженному скакуну, которым пользовались в течение целых тысячелетий, за недостатком других более надежных исторических средств передвижения,—все усовершенствователи мира. Мы пришли к этому тощему Россинанту, на котором все Дон-Кихоты, известные истории, выезжали в великий мир реформ для того только, чтобы вернуться домой с синяками под глазами.

Отношение между бедным и богатым, как общественная основа социализма, „принцип" товарищества, как его содержание, „более справедливое" распределение, как его цель, и, наконец, идея справедливости, как его единственное историческое оправдание,—насколько, однако, больше силы, духовной красоты и блеска проявил более 50 лет тому назад Вейтлинг, выступая представителем такого социализма! И притом этому гениальному портному еще не был известен научный социализм. Но если теперь, спустя полстолетия, вся его теория, растерзанная на мелкие клочки Марксом и Энгельсом, снова сшивается и подносится, в качестве последнего слова науки пролетариату, то и для этого, конечно, нужен портной... но совсем не гениальный.

Как профессиональные союзы и товарищества являются экономической опорой для теории Бернштейна, так постоянно усиливающееся развитие демократии является важнейшим политическим условием ее. Все реакционные вылазки настоящего времени для него только „судороги", по его мнению случайные и преходящие, с которыми не приходится считаться при установлении общего направления борьбы рабочего класса. Но дело не в том, что думает Бернштейн о продолжительности реакции на основании личных и письменных уверений своих друзей; интересно, какова внутренняя объективная связь между демократией и фактическим общественным развитием.

Бернштейн рассматривает демократию, как необходимую ступень в развитии современного общества; даже больше,

для него совершенно так же, как для буржуазного теоретика либерализма, демократия составляет великий основной закон общественного развития вообще, и осуществлению этого закона должны содействовать все активные силы политической жизни, но, высказанный в такой абсолютной форме, этот взгляд в корне ошибочен и представляет собою не что иное, как поверхностное мелкобуржуазное возведение в шаблон результатов очень маленького периода развития буржуазии, периода последних 25—30 лет. Знакомясь ближе с развитием демократии в истории и с политической историей капитализма, приходишь к совершенно другому выводу.

Что касается демократии, то мы встречаем ее в самых различных общественных формациях: в первобытных коммунистических обществах, в классических государствах, основанных на рабстве, и в городских средневековых общинах. Равным образом мы встречаем абсолютизм и ограниченную монархию при самых разнообразных экономических комбинациях. С другой стороны, капитализм в самом начале своего развития—в форме товарного производства—создает в городских коммунах чисто демократическое устройство; позже, в своей более развитой форме—мануфактурной, он находит себе соответствующую политическую форму в неограниченной монархии. Наконец, в качестве вполне развитого индустриального хозяйства, он создает во Франции попеременно демократическую республику (1793), абсолютную монархию Наполеона I (1804), аристократическую монархию периода реставрации (1815—1830), буржуазно-конституционную монархию Луи-Филиппа, затем снова демократическую республику, снова монархию Наполеона III и, наконец, в третий раз республику, которая, повидимому, опять находится уже при своем последнем издыхании. В Германии единственное действительно демократическое учреждение—всеобщее избирательное право—является не завоеванием буржуазного либерализма, а средством политической спайки отдельных мелких государств и только в этом отношении имеет значение для развития немецкой буржуазии, которая вообще вполне удовлетворяется полу-

феодальной конституционной монархией. В России капитализм прекрасно развивается и при самодержавии, и буржуазия не обнаруживает пока никаких стремлений к демократии. В Австрии всеобщее избирательное право сыграло в значительной степени роль спасительного пояса для распадающейся монархии, а насколько слабо оно связано с настоящей демократией, доказывает владычество § 14 [1]). Наконец, в Бельгии демократическое завоевание рабочего движения—всеобщее избирательное право—находится в несомненной связи со слабостью милитаризма, следовательно, с особым географическим и политическим положением Бельгии; да и прежде всего, это—„кусок демократии", завоеванный не буржуазией, а п р о т и в буржуазии.

Таким образом непрерывный подъем демократии, который Бернштейну и всему буржуазному либерализму представляется великим основным законом человеческой или, по меньшей мере, современной истории, оказывается при ближайшем рассмотрении призраком. Между капиталистическим развитием и демократией невозможно установить никакой внутренней абсолютной связи. Политическая форма является всякий раз результатом всей суммы политических внутренних и внешних факторов, вмещая в свои границы всю политическую скалу от абсолютной монархии до республики включительно.

Если таким образом мы, отказавшись от общего исторического закона развития демократии даже в рамках современного общества, обратимся только к современной фазе буржуазной истории, то и здесь, в этом политическом положении, мы встретимся с факторами, ведущими не к осуществлению схемы Бернштейна, а скорее, наоборот, к отказу

[1]) Т.-е. § 14 основного государственного закона о представительстве 21 дек. 1867 г., предоставляющий право заменять в такое время, когда рейхсрат не заседает, законы императорскими указами. Этим параграфом австрийское правительство не раз пользовалось в борьбе с народным представительством. Когда рейхсрат упорно не сдавался, объявлялось распущение сессии, и в промежуток до созыва нового рейхсрата издавались постановления на точном основании § 14 „конституции".

со стороны буржуазного общества от всех достигнутых до сих пор завоеваний.

С одной стороны,—что очень важно,—демократические учреждения в значительной степени уже сыграли свою роль в развитии буржуазного общества. Поскольку они нужны были для слияния отдельных мелких и возникновения современных больших государств (Германия, Италия), постольку они теперь уже излишни. Под влиянием экономического развития успело за это время произойти внутреннее органическое срастание, и таким образом повязка политической демократии может быть снята без опасности для организма буржуазного общества.

То же самое нужно сказать и о превращении полу-или вполне феодальной политико-административной государственной машины в капиталистический механизм. Это превращение, исторически неразрывно связанное с демократией, также подвинулось настолько далеко, что чисто демократические учреждения государственного строя—всеобщее избирательное право, республиканская форма правления—можно уничтожить, совершенно не опасаясь того, что администрация, финансы, военное дело и т. д. должны будут вернуться к домартовским формам.

Если в этом отношении либерализм сделался совершенно лишним для буржуазного общества, то, с другой стороны, он во многих отношениях обратился для него прямо в помеху. Следует при этом иметь в виду два фактора, господствующие над всей политической жизнью современных государств: мировую политику и рабочее движение, оба они представляют только различные стороны современной фазы капиталистического развития.

Развитие мирового хозяйства, обострение и общий характер конкуренции на мировом рынке сделали милитаризм и маринизм, как орудия мировой политики, главными моментами как внешней, так и внутренней жизни всех больших государств. Но если мировая политика и милитаризм, как связанные с экономическими потребностями и стремлениями капитализма, имеют в настоящее время восходящую тенденцию, то буржуазная демократия должна совершать

движение по линии нисходящей. Самый яркий пример тому дает северо-американский союз со времени испанской войны. Во Франции республика обязана своим существованием главным образом международному политическому положению, делающему пока невозможным войну. Но если бы дело дошло до войны, и если бы Франция, как это следует думать по всем признакам, оказалась бы неподготовленной для мировой политики, тогда ответом на первое положение ее на театре войны было бы провозглашение монархии в Париже. В Германии новейшая эра громадных затрат на вооружение (1893) и положенное в Киао-Чау начало мировой политики стоили буржуазной демократии двух жертв: распадения свободомыслящей партии и падения центра.

И если внешняя политика толкает буржуазию в объятия реакции, то не менее важно влияние политики на стремления рабочего класса. Бернштейн сам подтверждает это, делая социал-демократические „страшные сказки", т.-е. социалистические стремления рабочего класса, ответственными за измену своему знамени либеральной буржуазии. Поэтому он советует пролетариату оставить мысль о социалистической конечной цели, чтобы снова выманить из мышиной норки реакции перепуганный на-смерть либерализм. Но, считая уничтожение социалистического рабочего движения жизненным условием и социальной предпосылкой существования буржуазной демократии, Бернштейн сам очень ясно показывает этим, что эта демократия в такой же мере противоречит внутренней тенденции развития современного общества, в какой социалистическое рабочее движение есть прямой ее продукт.

Но этим самым он показывает еще кое-что. Ставя главным условием воскрешения буржуазной демократии отречение рабочего класса от социалистической конечной цели, он этим самым указывает, как мало буржуазная демократия может служить необходимой основой и условием социалистического движения и социалистической победы. Тут рассуждения Бернштейна образуют порочный круг, в котором вывод „пожирает" первую посылку.

Выход из этого круга очень простой: тот факт, что бур-

жуазный либерализм скончался от страха перед развивающимся рабочим движением и его конечными целями, доказывает только, что именно теперь единственной опорой демократии является и может быть только социалистическое рабочее движение и что не судьбы социалистического движения зависят от буржуазной демократии, а, наоборот, участь демократического развития зависит всецело от социалистического движения; далее, что жизнеспособность демократии будет возрастать не по мере того, как рабочий класс будет отказываться от борьбы за свое освобождение, а, наоборот, по мере того, как социалистическое движение сделается достаточно сильным, чтобы бороться против реакционных последствий мировой политики и буржуазной измены. Кто желает усиления демократии, тот должен желать не ослабления, а усиления социалистического движения, и отказ от социалистических стремлений означает отказ от рабочего движения и демократии.

В конце своего „ответа" Каутскому в „Vorwärts'e" от 26-го марта 1899 г. Бернштейн заявляет, что с практической частью социал-демократической программы он в общем вполне согласен и что он имеет некоторые возражения только против теоретической ее части. Несмотря на это, Бернштейн, очевидно, полагает, что он может с полным правом оставаться в рядах партии и итти вместе с ней, так как можно ли придавать значение тому, „что в теоретической части программы имеется какое-нибудь положение, которое больше не совпадает с его взглядом на ход развития"? Это объяснение, в лучшем случае, указывает на то, что Бернштейн совершенно утратил понимание связи между практической деятельностью и общими принципами социал-демократии и что одни и те же слова стали означать для Бернштейна и для партии совершенно разные понятия. На самом же деле, собственные теории Бернштейна приводят, как мы видели, к самому элементарному социал-демократическому положению, что при отсутствии основного базиса практическая борьба становится бесполезной и бесцельной, что с отказом от конечной цели обречено на гибель и само движение.

3. Завоевание политической власти.

Судьбы демократии связаны, как мы видили, с судьбами рабочего движения. Но разве развитие демократии, даже и в лучшем случае, делает излишней или невозможной пролетарскую революцию, в смысле захвата государственной власти, завоевания политической власти?

Бернштейн решает этот вопрос путем тщательного взвешивания хороших и дурных сторон законодательных реформ и революции; он производит эту операцию с приятностью, напоминающей развешивание корицы и перца в потребительной лавочке. В законном ходе развития он видит действие разума, в революционном—действие чувства; на реформаторскую работу он смотрит, как на медленный, на революционную же, как на быстрый метод исторического прогресса; в законодательстве он видит планомерную работу, в перевороте—грубую силу.

Старая история! Мелкобуржуазный реформатор всегда видит во всем „хорошую“ и „дурную“ сторону, отовсюду он берет понемножку. Но ведь столь же старая история, что действительный ход вещей немало не считается с этими мелкобуржуазными комбинациями, и что тщательно-собранная кучка „хороших сторон“ от всего, что есть на свете, разлетается в прах от одного щелчка. В действительности мы видим, что в истории законодательная реформа и революция обусловливаются более глубокими основаниями, нежели достоинства или недостатки того или другого метода.

В течение всей истории законодательные реформы всегда служили для постепенного усиления развивающегося класса до тех пор, пока последний не почувствовал себя достаточно созревшим для захвата политической власти и уничтожения всей существующей правовой системы с тем, чтобы построить новую. С Бернштейном, который громит теорию захвата политической власти, как бланкистскую теорию насилия, случилась неприятность: то, что в течение столетий было целью и движущей силой человеческой истории, он принял за простую бланкистскую ошибку. С тех пор, как

существует классовое общество и классовая борьба составляет главное содержание его истории, завоевание политической власти всегда было целью всех поднимающихся классов и являлось исходным и конечным пунктом всякого исторического периода. Это мы наблюдаем и в продолжительной борьбе крестьянства с денежным капиталом в древнем Риме, и в борьбе патрициев с епископами, и в борьбе ремесленников с патрициями в средневековых городах, и в борьбе буржуазии с феодализмом в новое время.

Итак, реформа и революция не представляют различных методов исторического прогресса, которые можно по желанию выбрать в любой исторический момент наподобие горячих или холодных сосисок в буфете; это—различные моменты в развитии классового общества, которые в такой же мере обусловливают и дополняют или же исключают друг друга, как, например, южный и северный полюс или как буржуазия и пролетариат.

То или иное установленное законом государственное устройство есть лишь продукт революции. В то время как революция является политически созидательным актом классовой истории, законодательство есть поддержание политического существования общества. Законодательная реформаторская деятельность не обладает собственной независимой от революции движущей силой; и в каждую историческую эпоху она продолжает свое движение в том направлении и до тех пор, в каком и пока действует толчок, полученный ею в последнем перевороте, или, выражаясь, конкретнее, в рамках созданной переворотом общественной формы. В этом именно сущность вопроса.

Совершенно ошибочно и неисторично представлять себе законодательные реформы, как длительную революцию, а революцию, как сгущенную реформу. Социальный переворот и законодательная реформа представляют моменты, различные не по длительности, а по существу. Вся тайна исторических переворотов, совершаемых политической властью, и заключается именно в прекращении простых количественных изменений в новое качество, выражаясь кон-

кретнее, в переходе одного исторического периода, т.-е. одного общественного порядка— в другой.

Итак, кто высказывается за законный путь реформ вместо и в противоположность завоеванию политической власти и общественному перевороту, тот выбирает на самом деле не более спокойный, не более уверенный и медленный путь к той же цели, а совершенно другую цель, именно—вместо осуществления нового общественного порядка только количественные изменения в старом. Таким образом, политические взгляды Бернштейна приводят к тому же выводу, что и его экономическая теория: по существу, он преследует не осуществление социалистического строя, а только преобразование капиталистического, он добивается уничтожения не системы найма, а лишь большей или меньшей эксплоатации, одним словом, он стремится к уничтожению только наростов капитализма, но не самого капитализма.

Но, быть может, вышеупомянутые положения относительно функций законодательной реформы и революции справедливы только в отношении той классовой борьбы, которая велась до настоящего времени? Быть может, с настоящего момента, благодаря усовершенствованию буржуазной правовой системы, законодательная реформа призвана провести общество из одной исторической фазы в другую, и теория захвата политической власти пролетариатом превратилась „в бессодержательную фразу"?

Но мы наблюдаем совершенно обратное явление. Чем отличается современное буржуазное общество от классовых обществ древних и средних веков? Тем именно, что классовое господство опирается в настоящее время не на „прочно приобретенные права", и на фактические экономические отношения, и что система найма представляет собою не правовое, а чисто экономическое отношение. Во всей нашей правовой системе не найдется ни одной выраженной в законе формулы современного классового господства. Можно, пожалуй, найти следы ее, вроде, например, устава о прислуге, но это небольше, как пережиток феодальных отношений.

Но как же можно постепенно уничтожить „законным путем" наемное рабство, если оно совершенно не выражено в законах? Бернштейн, собирающийся приняться за законодательно реформаторскую работу, надеясь таким путем покончить с капитализмом, попадает в положение того будочника у Успенского, который рассказывает свое приключение: „Живо хватаю я его за шиворот. И что же? Негодяй и шиворота не имеет!" [1]).

В этом-то и вся беда.

„Всякое существовавшее до сих пор общество покоилось на противоположности угнетающего и угнетаемого класса" („Коммунистический Манифест", стр. 17 [2]). Но в предшествующие фазисы современного общества это противоречие выражалось в определенных правовых отношениях, и в силу этого оно могло, до известной степени, в прежних границах дать место и развивающимся новым отношениям. „В крепостную эпоху из крепостного создался член городской общины". („Коммунистический Манифест". стр. 17) Каким образом? Постепенным уничтожением в округах города всех тех мелких прав в виде барщины, различных повинностей, уплачиваемых наследниками крепостного его господину, подушной подати, принудительности брака, права участия в наследстве и т. д., совокупность которых и составляет крепостное право.

---

[1]) Повидимому, Роза Люксембург вспоминает здесь следующее место из „Будки": Нет, вы бы его, ваше благородие, в частный дом... Вы бы его, вашбродие, сцапали бы.

— Нельзя, голубчик, нельзя!...—кротко продолжал старик, глядя в землю.—Невозможно этого... Не за что сцапать-то! И шиворота-то у меня настоящего нету... Не уймешь.

— Вы ему, вышескобродие, не верьте!—прибавил голос из толпы.—От него и на нас мараль идет...

Но нельзя было не верить старику; у него действительно не было порядочного шиворота... Мымрецов, высвобождавший руку из правого рукава, чтобы соколом налететь на пьяницу, при последних словах старика совсем остолбенел и потерял сознание. Таким образом, благодаря отсутствию шиворота, старик остался нетронутым..."

Сочин. Г. И. Успенского. Изд. 3-е, Павленкова. С.-Петб. 1889 г. I, 741.

[2]) Русск. перевод. Изд. Алексеевой, стр. 98.

Равным образом, и „мелкий бюргер сделался настоящим буржуа под игом феодального абсолютизма“ (стр. 17). Каким образом? Отчасти путем частичного формального уничтожения или фактического ослабления цеховых оков и путем постепенного преобразования администрации, финансового и военного дела в объеме, отвечающем самой крайней необходимости.

Итак, если рассматривать вопрос абстрактно, а не исторически, то при прежних классовых отношениях можно по крайней мере предположить, что переход от феодального общества к буржуазному совершился с помощью чисто законодательных реформ. Но на самом деле мы видим, что и там законодательные реформы служили не для того, чтобы сделать излишним захват буржуазией политической власти, а наоборот, для того, чтобы подготовить и осуществить его. Настоящий политико-социальный переворот был в такой же мере необходим как для уничтожения крепостничества, так для уничтожения феодализма.

Но еще иначе обстоит дело теперь. Не закон заставляет пролетария подчинить себя игу капитала, а нужда и отсутствие средств производства. Но никакой закон в мире не может предоставить ему эти средства в рамках буржуазного общества, так как он лишился их не в силу закона, а силой экономического развития.

Далее, и эксплуатация в отношениях найма основана не на законах, так как высота заработной платы определяется не законодательным путем, а экономическими факторами. Да и самый факт эксплуатации обусловливается не законодательными постановлениями, а тем чисто экономическим фактом, что рабочая сила, выступая как товар, обладает, между прочим, приятным свойством создавать ценность и даже бóльшую, чем она сама поглощает. Одним словом, все основные отношения капиталистического классового господства уже потому не могут быть изменены путем законодательных реформ на почве буржуазного строя, что они созданы не буржуазными законами и не от них получили свою форму. Бернштейну, повидимому, все это неизвестно, если он надеется на социалистическую „реформу“; но, не сознавая, он,

однако, говорит об этом сам на стр. 10 своей книжки, где он пишет: „экономический мотив выступает теперь свободно там, где он прежде был скрыт отношениями господства и всякого рода идеологиями".

Но еще одно соображение. Другой особенностью капиталистического строя является то, что в нем все элементы будущего общества, развиваясь, принимают вначале такую форму, которая не приближает, а удаляет их от социализма. В производстве начинает все более проявляться общественный характер. Но в какой форме выражается это? В форме акционерных компаний, перехода в собственность государства, картелей, в которых капиталистические противоречия, эксплуатация и угнетение рабочей силы достигают высшей степени. В военном деле это развитие ведет к распространению всеобщей воинской повинности и сокращению срока службы, т. е. материально приближает к народной милиции. Но все это в форме современного милитаризма, в которой самым ярким образом обнаруживается господство военного государства над народом и классовый характер государства.

В области политических отношений развитие демократии, поскольку оно находится в благоприятных условиях, ведет к участию всех слоев населения в политической жизни, следовательно, до известной степени к образованию „народного государства". Но это выражается в форме буржуазного парламентаризма, где классовые противоречия и классовое господство не только не уничтожаются, а скорее развиваются и яснее обнаруживаются. Так как капиталистическое развитие движется, таким образом, в противоречиях, то для отделения зерна социалистического общества от противоречащей ему капиталистической оболочки приходится прибегнуть в силу этого к захвату политической власти пролетариатом и к полнейшему уничтожению капиталистической системы.

Но Бернштейн, конечно, и здесь находит другой выход. Если развитие демократии ведет к обострению, а не к ослаблению капиталистических противоречий, тогда, говорит он, социал-демократии, если она не хочет усложнить себе работу, следовало бы стараться по возможности помешать социальным реформам и расширению демократических учреж-

дений. Это несомненно было бы так, если бы социал-демократия, подобно мелким буржуа, находила вкус в таком бесполезном занятии, как подбор хороших и выбрасывание скверных сторон истории. Но, чтобы быть последовательной, ей пришлось бы тогда „стремиться“ и к уничтожению самого капитализма, так как он бесспорно является главным злом, ставящим ей всяческие препятствия на ее пути к социализму. На самом же деле капитализм вместе и одновременно с препятствиями представляет единственную возможность осуществить социалистическую программу. Все это относится в полной мере и к демократии.

Если демократия, как мы показали выше, сделалась для буржуазии отчасти излишней, отчасти стеснительной, то зато рабочему классу она необходима и обязательна. Она необходима, во-первых, потому, что создает политические формы (самоуправление, избирательное право и т. п.), которые послужат пролетариату исходными и опорными пунктами при преобразовании буржуазного общества. Она обязательна потому, что только в ней, в борьбе за демократию, в пользовании ее правами, пролетариат может дойти до сознания своих классовых интересов и исторических задач.

Одним словом, демократия необходима не потому, что она делает излишним захват политической власти пролетариатом, а, наоборот, потому что она делает этот захват и необходимым, и единственно возможным. Когда Энгельс, в своем предисловии к „Классовой борьбе во Франции“, делая еще раз обзор тактики современного рабочего движения, противопоставляет баррикадам борьбу на законной почве, то, как это явствует из каждой строчки предисловия, он рассматривает не вопрос окончательного захвата политической власти, а вопрос повседневной борьбы настоящего момента; его интересуют не действия пролетариата по отношению к капиталистическому государству в момент захвата политической власти, а его действия в рамках капиталистического государства. Одним словом, Энгельс давал указания порабощенному, а не победоносному, пролетариату.

Наоборот, известное выражение Маркса, по поводу зе-

мельного вопроса в Англии, на которое тоже ссылается Бернштейн, что, „по всей вероятности, всего дешевле было бы выкупить лендлордов", относится к действиям пролетариата не до, а после его победы. Ведь о выкупе господствующих классов может, конечно, итти речь только тогда, когда рабочий класс стал у кормила правления. Этим Маркс выразил лишь предположение о возможности проведения мирным путем диктатуры пролетариата, а не замены этой диктатуры капиталистическими социальными реформами.

Самая необходимость захвата пролетариатом политической власти всегда оставалась вне сомнений как для Маркса, так и для Энгельса. Остается, поэтому, привилегией Бернштейна считать курятник буржуазного парламентаризма органом, призванным произвести самый мощный всемирно-исторический переворот — переход общества из капиталистической в социалистическую форму.

Но ведь Бернштейн начал свою теорию только опасением и предостережением, как бы пролетариат не стал слишком рано у кормила правления! В таком случае, по его мнению, пролетариат оставил бы весь буржуазный строй совершенно таким же, каким он является теперь, и лишь сам потерпел бы сильное поражение. Из этого опасения прежде всего ясно, что теория Бернштейна имеет для пролетариата, на тот случай, если бы обстоятельства заставили его взять в свои руки правление, только одно „практическое" указание — лечь спать. Но этим она сама произносит себе приговор, как теории, обрекающей пролетариат в важнейший момент борьбы на бездеятельность, а следовательно, и на пассивную измену собственному делу.

Вся наша программа была бы жалким клочком бумаги, если бы она не в состоянии была служить нам во всех случайностях и в каждый момент борьбы и именно служить путем применения ее к жизни, а не забвения о ней. В самом деле! Если наша программа дает формулу исторического развития общества от капитализма к социализму, то она должна, конечно, формулировать также и все промежуточные фазы этого развития, представив их в общих чер-

тах: следовательно, она должна быть способной указать в каждый данный момент соответствующее поведение в целях приближения к социализму. Отсюда следует, что для пролетариата вообще не может быть такого момента, когда он был бы вынужден оставить свою программу, или, наоборот, когда бы эта программа оставила его беспомощным.

Практически это выражается в том факте, что не может быть такого момента, когда пролетариат, поставленный, в силу хода вещей, у кормила правления, был бы не в состоянии или не был бы обязан принять какие-либо меры для осуществления своей программы или переходные меры, ведущие к социализму. За утверждением, будто социалистическая программа может в какой-нибудь момент политического господства пролетариата оказаться совершенно бессильной и неспособной дать какие-либо указания насчет своего осуществления, скрывается другое утверждение, именно, что социалистическая программа вообще и никогда не осуществима.

А что, если переходные меры окажутся преждевременными? Этот вопрос скрывает в себе целый клубок ошибок в отношении действительного хода социальных переворотов.

Захват политической власти пролетариатом, т.-е. широкой народной массой, прежде всего не может быть осуществлен искусственным путем. Сам по себе факт захвата политической власти предполагает постоянно определенную степень развития политико-экономических отношений, если не принимать во внимание тех случаев, когда, как это было в Парижской Коммуне, господство пролетариата является не результатом его сознательной борьбы за определенную цель, а достается ему в виде исключения, как всеми покинутое бесхозяйное добро. В этом заключается главное отличие бланкистского государственного переворота, совершаемого „решительным меньшинством", являющегося каждый раз неожиданным и, вследствие этого, всегда несвоевременным, от захвата политической власти со стороны большой и проникнутой классовым сознанием народной массы. Такой захват может быть только продуктом начинающегося крушения буржуазного общества и в силу этого в самом себе не-

сет доказательство, экономически-политическое доказательство своевременности своего появления.

Если, таким образом, захват политической власти рабочим классом, с точки зрения условий общественного развития, ни в коем случае не может произойти „слишком рано", то, с другой стороны, с точки зрения политического эффекта— удержания власти, он должен необходимо совершиться „слишком рано". Преждевременная революция, не дающая спать Бернштейну, висит над нами, как Дамоклов меч, и этому не помогут ни просьбы, ни мольбы, ни страх, ни предостережения. Так должно быть по двум очень простым причинам.

Во-первых, такой насильственный переворот, каким является переход общества от капиталистического строя к социалистическому, совершенно не может произойти сразу, от одного победоносного удара пролетариата. Предполагать нечто подобное, это значит опять-таки обнаружить чисто бланкистское понимание. Социалистический переворот предполагает продолжительную и упорную борьбу, при чем пролетариат, по всей вероятности, не раз будет отброшен назад, так что, с точки зрения конечного результата всей борьбы, он в первый раз по необходимости должен стать „слишком рано" у кормила правления.

С другой стороны, нельзя избежать также „преждевременного" захвата государственной власти по той причине, что эти „преждевременные" нападения пролетариата уже сами являются одним из факторов и притом очень важным, создающим политические условия окончательной победы, и что именно они вместе с другими факторами создают и определяют момент решительной победы. С этой точки зрения, самое понятие о преждевременном захвате политической власти трудовым народом представляется политической нелепостью, вытекающей из механического понимания развития общества и предполагающей определенный момент для победы классовой борьбы, момент внешний и независимый от этой классовой борьбы.

Но в силу того, что пролетариат, таким образом, не может даже иначе, чем „слишком рано", захватить политическую

власть, или, другими словами, так как он должен непременно захватить ее когда-нибудь „слишком рано“ для того, чтобы, в конце-концов, прочно завоевать ее, то оппозиция против преждевременного захвата власти является ничем иным, как оппозицией вообще против стремлений пролетариата завладеть политической властью.

Как все дороги ведут в Рим, так и с этой стороны теория Бернштейна вполне последовательно приводит нас к тому же выводу, что его совет оставить конечную цель равносилен также совету отказаться от всего движения: что его совет социал-демократии „лечь спать“ в случае захвата политической власти вполне тожествен совету лечь вообще спать, т.-е. отказаться от классовой борьбы.

4. Крушение.

Свой пересмотр социал-демократической программы Бернштейн начал с отрицания теории крушения капиталистического строя. Но так как крушение буржуазного общества является краеугольным камнем научного социализма, то удаление этого краеугольного камня должно логически привести к крушению всего социалистического мировоззрения Бернштейна. Во время дебатов, он, желая отстоять свое первое утверждение, последовательно сдает одну позицию социализма за другой. Без крушения капитализма невозможна и экспроприация класса капиталистов, и Бернштейн отказывается от экспроприации, делая целью рабочего движения постепенное проведение „принципа товарищества“.

Но принцип товарищества не может быть проведен при капиталистическом способе производства, и Бернштейн отказывается от обобществления производства и переходит к реформе в области торговли к потребительным союзам.

Но преобразование общества с помощью потребительных и профессиональных союзов не мирится с фактическим материальным развитием капиталистического общества, и

Бернштейн отказывается от материалистического понимания истории.

Но дальше его теория о ходе экономического развития не совместима с Марксовым законом прибавочной ценности, и Бернштейн отказывается от закона ценности и прибавочной ценности, а вместе с этим—от всей экономической теории Карла Маркса.

Но при отсутствии определенной конечной цели и экономической основы в современном обществе невозможна пролетарская классовая борьба,—Бернштейн отказывается от классовой борьбы и проповедует примирение с буржуазным либерализмом.

Но в классовом обществе классовая борьба есть вполне естественное и неизбежное явление,—Бернштейн последовательно отрицает даже существование классов в современном обществе: рабочий класс для него только масса индивидуумов, не связанных между собой не только политически или духовно, но и в экономическом отношении. Равным образом, и буржуазия, по мнению Бернштейна, политически связана не внутренними экономическими интересами, а внешним давлением сверху или снизу.

Но если классовая борьба не имеет под собой экономической основы, если в сущности нет также никаких классов, то представляется невозможной не только будущая борьба пролетариата с буржуазией, но и борьба, совершавшаяся до сих пор; тогда необъяснимы и существование социал-демократии и ее успехи. Или и ее можно объяснить только как результат политического давления со стороны правительства? По мнению Бернштейна, она может быть понята не как закономерный результат исторического развития, а как случайный продукт Гогенцоллернского курса, не как законное дитя капиталистического общества, а как незаконный ребенок реакции. Так Бернштейн с неумолимой логикой переходит от материалистического понимания истории к пониманию ее в духе „Frankfurter“ и „Vossischer Zeitung“[1]).

---

[1]) „Франкфуртская“ и „Фоссова“ газеты—органы германского буржуазного либерализма.

Отбросив всю социалистическую критику капиталистического общества, Бернштейну остается еще только найти удовлетворительным, по крайней мере хоть в общем, современное положение. Но и это не пугает его. Он находит, что в настоящее время реакция в Германии не так сильна; „в западно-европейских государствах почти не заметна политическая реакция", почти во всех государствах запада буржуазные классы держатся по отношению к социалистическому движению, самое большое, только оборонительной политики, но не политики насилия" („Vorwärts", 26-го марта 1899 г.). Рабочие становятся не беднее, а наоборот, все самостоятельнее, буржуазия политически все прогрессирует и даже морально здорова, а реакция и угнетение не заметны—все идет к лучшему в этом лучшем из миров...

Так Бернштейн вполне логически и последовательно идет от A до Z. Он начал с того, что отказался от конечной цели ради движения. Но так как в действительности без социалистической цели не может быть социал-демократического движения, то он, по необходимости, кончает тем, что отказывается и от самого д в и ж е н и я.

Таким образом рухнула вся социалистическая теория Бернштейна. Все величавое, симметрическое и удивительное здание Марксовой системы превратилось у него в большую кучу мусора, в которой нашли себе общую могилу обломки всех систем, обрывки мыслей всех великих и малых умов. Маркс и Прудон, Лев фон-Бух и Франц Оппенгеймер, Фридрих-Альберт Ланге и Кант, Прокопович и д-р фон-Нейпауер, Геркнер и Шульце-Геверниц, Лассаль и проф. Юлий Вольф—все внесли свою лепту в систему Бернштейна, у всех он чему-нибудь поучился. И ничего удивительного! Оставив классовую точку зрения, он потерял политический компас; отказавшишь от научного социализма, он лишился духовной оси кристаллизации, вокруг которой отдельные факты группируются в органическое целое последовательного миросозерцания.

Эта теория, состряпанная без разбору из крох всевозможных систем, кажется на первый взгляд совершенно беспристрастной. Бернщтейн и слышать не хочет о каком-нибдь

„партийном учении" или, вернее, о классовой науке, о классовом либерализме, классовой морали. Он надеется представить общечеловеческую, абстрактную науку, абстрактный либерализм, абстрактную мораль. Но так как в действительности общество состоит из классов, имеющих диаметрально противоположные интересы, стремления и взгляды, то общечеловеческая наука в области социальных вопросов, абстрактный либерализм и абстрактная мораль пока—только фантазия, самообман. То, что Бернштейн считает общечеловеческой наукой, демократией, моралью, есть только господствующая, т.-е. буржуазная наука, буржуазная демократия, буржуазная мораль.

В самом деле! Отрекаясь от экономической системы Маркса с тем, чтобы клясться учением Брентано, Бем-Джевонса, Сэя, Ю. Вольфа, не заменяет ли он научное основание освобождения рабочего класса апологией буржуазии? Говоря об общечеловеческом характере либерализма и превращая социализм в его разновидность, не лишает ли он социализма его классового характера, т.-е. его исторического содержания, а следовательно, и вообще всякого содержания; и наоборот, не привращает ли он тем самым историческую носительницу либерализма—буржуазию— в представительницу общечеловеческих интересов?

А когда он открывает поход против „возведения материальных факторов на степень всемогущих сил развития", против „презрительного отношения к идеалу" в социал-демократии, когда он выступает в защиту идеализма и морали и в то же самое время восстает против единственного источника морального возрождения пролетариата—революционной классовой борьбы, разве это не значит в сущности проповедывать рабочему классу квинт-эссенцию буржуазной морали: примирение с существующим строем и перенесение надежд—в потусторонний мир моральных представлений?

Наконец, направляя самые острые свои стрелы против диалектики, не борется ли он с специфическим способом мышления развивающегося, сознающего свое классовое положение пролетариата? Не борется ли он против оружия, которое помогло пролетариату разогнать мрак его истори-

ческого будущего, против духовного оружия, которым он, экономически еще угнетаемый, побеждает буржуазию, доказывая ей ее недолговечность и неизбежность своей победы; не борется ли он против того оружия, которым духовно уже совершена революция?

Распростившись с диалектикой и усвоив себе эквилибристику мысли по принципу: „с одной стороны—с другой стороны", „правда—но", „хотя—но тем не менее", „более или менее", Бернштейн вполне последовательно воспринимает исторически законный способ мышления погибающей буржуазии, способ, являющийся точным духовным отражением ее общественного бытия и ее политической деятельности. Каприви—Гогенлоэ—Берлепш — Посадовский — Февральский указ—Каторжный законопроект, политическое „с одной стороны—с другой", „если—но" современной буржуазии—все это вполне напоминает способ мышления Бернштейна, а этот способ мышления является самым лучшим и верным симптомом буржуазного миросозерцания.

Но Бернштейн находит теперь также, что и слово bürgerlich [1]) не классовое выражение, а относящееся ко всему обществу понятие. Это означает только, что он последовательно ставит точку над i, что, вместе с наукой, политикой, моралью и способом мышления, он заменил также и исторический язык пролетариата языком буржуазии. Обозначая словом „бюргер" безразлично, как буржуа, так и пролетария, следовательно, просто человека, он фактически отожествляет человека просто с буржуа, а человеческое общество с буржуазным.

Если кто-либо в начале полемики с Бернштейном еще питал надежду убедить его аргументами из научного арсенала социал-демократии и снова вернуть его к движению, тот должен навсегда оставить эту надежду, так как одни и те же слова перестали теперь обозначать для обеих сторон одни и те же понятия, а одни и те же понятия перестали выражать одни и те же социальные факты. Спор с

[1]) Слово „Bürger" означало прежде всякого гражданина городской общины. В настоящее время прилагательное от него чаще всего употребляется для обозначения понятия „буржуазный".

Бернштейном превратился в противопоставление двух миросозерцаний, двух классов, двух общественных форм. Бернштейн и социал-демократия стоят в настоящее время на двух различных основаниях.

5. Оппортунизм в теории и практике.

Книга Бернштейна имеет крупное исторические значение для всего германского и международного рабочего движения: это была первая попытка дать теоретическое обоснование оппортунистическим течениям партии.

Оппортунистические течения имеют место в нашем движении, если принять во внимание их спорадические проявления, довольно давно. Но, в качестве ясно выраженного цельного течения, оппортунизм появляется только в начале 90-х годов, со времени падения закона о социалистах и завоевания вновь легальных способов борьбы. Государственный социализм Фольмара, голосование бюджета баварскими товарищами, южно-германский аграрный социализм, предложение о компенсации, сделанное Гейне, и, наконец, взгляды Шиппеля на пошлины и милицию – таковы вехи в развитии оппортунистической практики.

Что отличает их прежде всего с внешней стороны? Враждебность к „теории". И это вполне понятно, так как наша теория, т.-е принципы научного социализма, ставит точные границы практической деятельности как в отношении преследуемой цели, так и в отношении применяемых средств борьбы и, наконец, самого способа борьбы. Отсюда, у тех, кто гонится только за практическими результатами, наблюдается естественное стремление развязать себе руки, т.-е. отделить нашу практику от теории, сделать первую вполне независимой от последней.

Но эта же самая теория побивает их при каждой попытке практической работы: государственный социализм, аграрный социализм, политика компенсаций, вопрос о милиции, все это—в то же время и поражения оппортунизма. Ясно, что если это течение хотело удержаться в борьбе с нашими

принципами, то оно должно было решиться подойти вплотную к самой теории, к самым принципам; вместо того, чтобы игнорировать ее, оно должно было постараться расшатать ее и создать свою собственную теорию.

Такого рода попыткой и была теория Бернштейна; поэтому на штутгартском партейтаге все оппортунистические элементы тотчас же собрались вокруг его знамени. Если, с одной стороны, оппортунистические течения в практике представляются явлением вполне естественным и объяснимым условиями нашей борьбы и ее ростом, то, с другой стороны, теория Бернштейна есть не менее понятная попытка дать этим течениям общее теоретическое выражение, отыскать для них собственные теоретические предпосылки, отыкончить счеты с научным социализмом. Поэтому теория Бернштейна с самого начала явилась для оппортунизма теоретическим испытанием, первым научным признанием его существования.

Но каковы результаты этого испытания, мы уже видели. Оппортунизм не в состоянии создать положительную теорию, способную как-нибудь устоять против критики. Все, на что он способен, это—начав с опровержения отдельных основ Марксова учения, потом перейти к разрушению всей системы сверху до основания, так как это учение представляет собою прочно сложенное здание. Это доказывает, что оппортунистическая практика по существу своему, в своей основе не совместима с системой Маркса.

Но это доказывает далее и то, что оппортунизм не совместим с социализмом вообще, что, по своей внутренней тенденции, он стремится толкнуть рабочее движение на буржуазный путь, т.-е. совершенно парализовать пролетарскую классовую борьбу. Понятно, исторически нельзя отожествлять пролетарскую классовую борьбу и систему Маркса. До Маркса, и совершенно независимо от него, существовало рабочее движение и различные социалистические системы, из которых каждая в своем роде являлась вполне соответствующей условиям своего времени, теоретическим выражением освободительных стремлений рабочего класса. Обоснование социализма моральными понятиями о справедливости, борь-

ба против способа распределения вместо борьбы против способа производства, понимание классовых противоречий, как противоречия между бедным и богатым, стремление испытать принцип „товарищества" в пределах капиталистического хозяйства—все это, с чем мы встречаемся в теории Бернштейна, уже имело место в истории. И все эти теории в с в о е в р е м я, при всей их недостаточности, были действительными теориями пролетарской классовой борьбы; это были те гигантские детские сапоги, в которых пролетариат научился шагать по исторической сцене.

Но после того, как развитие самой классовой борьбы и ее общественных условий привело к падению этих теорий и к формулированию принципов научного социализма, после этого не может быть, по крайней мере в Германии, другого социализма, кроме социализма Маркса, не может быть социалистической классовой борьбы вне социал-демократии. Теперь уже социализм и марксизм, пролетарская освободительная борьба и социал-демократия—тождественные понятия. Поэтому возвращение к прежним, существовавшим до Маркса, теориям социализма означает в настоящее время не возврат к гигантским детским сапогам пролетариата: нет, это значит опять влезть в карликовые истоптанные туфли буржуазии.

Теория Бернштейна была п е р в о й, но, в тоже время, и п о с л е д н е й попыткой дать оппортунизму теоретическое обоснование. Мы говорим последней потому, что в системе Бернштейна оппортунизм зашел так далеко, и с отрицательной стороны, в смысле отречения от научного социализма, и с положительной стороны, в смысле беспорядочного соединения всевозможного теоретического сумбура,—что дальше итти некуда. В книге Бернштейна оппортунизм завершил свое развитие в теории, а в позиции Шиппеля в вопросе о милитаризме он сделал это на практике и дошел до своих конечных выводов.

И теория Маркса не только в состоянии теоретически опровергнуть оппортунизм, но она, и только она, может о б ъ я с н и т ь его, как историческое явление в процессе образования партии. Всемирно-историческое движение пролетариата вперед к победе, действительно, „не такая про-

стая вещь". Вся особенность этого движения заключается в том, что здесь в первый раз в истории народные массы сами и п р о т и в всех господствующих классов отстаивают свои стремления, но должны эти стремления перенести по ту сторону современного общества, за его пределы. Но эти стремления народная масса опять-таки может выработать в себе только в постоянной борьбе с существующим строем, только в рамках этого же строя. Соединение широких народных масс с выходящей за пределы всего существующего строя целью, соединение повседневной борьбы с великой мировой реформой—такова великая проблема социал-демократического движения, которое на всем пути своего развития должно поэтому пробиваться вперед между двумя подводными камнями: между отрицанием массового характера и отрицанием конечной цели движения, между возвращением к положению секты и превращением в буржуазное реформаторское движение, между анархизмом и оппортунизмом.

Правда, еше полстолетия тому назад теория Маркса выковала в своем теоретическом арсенале смертоносное оружие против обеих этих крайностей. Но так как наше движение является именно массовым движением, и так как опасности, угрожающие ему, создаются не воображением, а общественными условиями, то теория Маркса не могла с самого начала раз навсегда предупредить все анархистские и оппортунистические отклонения в сторону. Они должны быть побеждены самим движением, конечно, с помощью доставленного Марксом оружия, уже после того, как они осуществились на практике. Меньшую опасность—анархистскую корь—социал-демократия уже поборола,, справившись с „движением независимых", с большой опасностью—оппортунистической водянкой—она борется в настоящее время.

При громадном росте вширь, характеризующем движение последних лет, при сложности условий, в которых, и задач, за которые приходится бороться, должен был наступить момент, когда в движении начали проявляться скепитизм относительно достижения великой конечной цели и колебание по отношению к идейному элементу движения. Так, а не иначе, должно совершаться великое пролетарское движение,

и все эти моменты колебаний и уныния не являются неожиданностью для учения Маркса: наоборот, Маркс давно предвидел и предсказал их. „Буржуазные революции,—писал Маркс полстолетия тому назад [1]),—как, например, революции XVIII столетия, быстрее стремятся от успеха к успеху; их драматические эффекры превосходят один другой, люди и вещи кажутся озаренными бенгальским огнем, экстазом охвачен каждый день; но они не долговечны, скоро они достигают своего апогея, и продолжительная апатия похмелья охватывает общество, прежде чем оно приучится трезво использовать результаты периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX столетия, постоянно сами себя критикуют, то и дело прерывают свой ход, возвращаются к тому, что, повидимому, уже сделано, с тем, чтобы начать сызнова жестоко высмеивать половинчатость, слабость и ничтожность своих первых попыток; они низвергают своего противника как будто бы только для того, чтобы он, прикоснувшись к земле, набрался новых сил и снова выступил против них еще более могучим; постоянно снова пугаются коллоссальности своих собственных целей пока не создается такое положение, которое делает невозможным всякое отступление, пока обстоятельства сами не заявят.

„Hic Rhodus, hic salta!“ (Здесь Родос, здесь прыгай!).

Это осталось законом и после того, как создалась теория научного социализма. Благодаря ей, пролетарское движение не сделалось еще сразу социал-демократическим ни в Германии, ни в другом месте, оно становится социал-демократическим с каждым днем; оно становится таковым в течение борьбы и благодаря беспрестанной борьбе с резкими скачками в сторону анархизма и оппортунизма, которые представляют собой только моменты движения социал-демократии, рассматриваемой как процесс.

В виду всего этого неожиданным является не появление оппортунистического течения, а скорее его бессилие. До тех пор, пока оппортунизм прорывался только в отдель-

[1]) „18 Брюмера. Луи Бонапарта“. Русск. перев. под. ред. Базарова и Степанова Изд. Скирмунта, стр. 147—8 Ред.

ных случаях партийной практики, можно было еще предполагать, что он имеет под собой какую-нибудь серьезную теоретическую основу. Но теперь, когда это течение получило вполне ясное выражение в книге Бернштейна, у всякого поневоле вырывается удивленный вопрос: Как! и это все, что вы имеете сказать? Ни одного намека на новую мысль! Ни одной такой мысли, которая уже десятки лет тому назад не была бы опровергнута, растоптана, высмеяна и уничтожена марксизмом!

Достаточно было оппортунизму заговорить, чтобы показать что ему нечего сказать. В этом собственно и заключается партийно-историческое значение книги Бернштейна.

Расставаясь со способом мышления революционного пролетариата, с диалектикой и материалестическим пониманием истории, Бернштейн может отблагодарить их за то, что они нашли для его превращения смягчающие вину обстоятельства. Ведь только диалектика и материалистическое понимание истории, в своем великодушии, оправдывают его появление, как специального, но бессознательного орудия, при помощи которого поднимающийся пролетариат проявляет свою временную нерешительность, чтобы потом, хорошенько рассмотрев его, с язвительным смехом отбросить далеко от себя.

Мы сказали, что движение становится социал-демократическим во время и благодаря победе над скачками в сторону анархизма и оппортунизма, вытекающими по необходимости из самого роста движения. Но преодолеть не значит спокойно предоставить все на волю божию. Преодолеть современное оппортунистическое течение значит отбросить его от себя.

В заключение своей книги Бернштейн обращается к партии с советом осмелиться показать себя в настоящем своем виде— демократически-социалистической партии реформ. Партия, т.-е. ее высший орган, партейтаг, по нашему мнению, должен ответить Бернштейну тем же, предложив ему, в свою очередь, формально заявить себя тем, что он есть на самом деле,— мелкобуржуазным демократическим прогрессистом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3
Предисловие автора 8

Часть первая.

1. Бернштейновский метод 12
2. Приспособление капитализма 17
3. Введение социализма путем социальных реформ 27
4. Таможенная политика и милитаризм 35
5. Практические выводы и общий характер теории 41

Часть вторая.

1. Экономическое развитие и социализм 50
2. Экономическая и политическая демократия 59
3. Завоевание политической власти 71
4. Крушение 81
5. Оппортунизм в теории и практике 86

92

28
924

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ✶ МОСКВА.

1. Серия популярно-марксистская,

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Ауербах. К. Маркс и профессиональные союзы.
Бебель, А. Будущее общество.
Берлин, П. К. Маркс и его время.
Бэр. К. Маркс, его жизнь и учение.
Горнер, К. Социал-демократия и коммунизм.
Девиль, Г. Научный социализм.
Иекк. Интернационал.
Каутский. Карл Маркс и его историческое значение.
„ Классовые интересы.
„ Республика и социализм во Франции.
„ Противоречия классовых интересов в 1789 г., с пред. Н. Н. Попова.
Корш. Сущность марксизма.
Ленин, Н. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма).
„ Государство и революция.
„ Империализм, как новейший этап капитализма.
Ленин и Плеханов. Против Богданова.
Либкнехт. 48 год и Коммуна.
Луи Поль. История социалистических партий во Франции.
Луначарский. Об интеллигенции. Сборник статей.
Люксембург. Реформа или революция?
Мануильский, Д. Кризис французской коммунистической партии и пути его изживания.
Маркс, К. Наемный труд и капитал (под. ред. Каутского. Перев Степанова).
„ Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.
„ Гражданская война во Франции 1871 г.
Маркс—перед судом присяжных. С предислов. Ф. Энгельса.
Меринг, Ф. Милиция и постоянное войско.
„ Об историческом материализме.
Павлович. Империализм.
Памяти Маркса. Сборник.
Плеханов, Г. В Амстердаме (статьи из „Искры“).
Поль, В. Коммунизм и общество.
Степанов. Парижская Коммуна. С иллюстрациями.
Цеткин. Борьба компартий против войны и военной опасности,
Энгельс. Политическое завещание (из неопубликованных писем), I и II издан.
„ Революция и контр-революция в Германии.
„ От утопии к науке.
„ Принципы коммунизма.
„ Людвиг Фейербах (От классического идеализма к диалектическому материализму).
Его же. Сила и экономика в образовании новой Германской империи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ★ МОСКВА.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Адоратский. Научный социализм.
Каутский. Происхождение христианства.
„ Фридрих Энгельс, его жизнь и деятельность.
Люксембург. Коалиционная политика или классовая борьба.
Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.
Петровский. Капитализм и социализм (От Моора до наших дней).
Экштейн. Капитализм и социализм.
Энгельс. Революция и контр-революция в Германии. II изд.
Энгельс и Маркс. О Крымской войне 1853—1856 г. г.
Цеткин. Р. Люксембург и русская революция.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Атлантикус. Государство будущего.
Базаров. Анархический коммунизм и марксизм.
Дран, З. и Леонард, С. Подпольная литература в революционной Германии во время войны.
Каутский. Социальная революция и на другой день после социальной революции.
„ Нет больше социал-демократии.
„ Американский и русский рабочий.
Корш. Сущность материалистического понимания истории.
Кочаровская. Критика политической экономии Богданова.
Люксембург. Коалиционная политика или классовая борьба.
Лассаль. Избранные речи.
Либкнехт. О молодежи.
„ Политические заметки.
Луначарский. О науке и искусстве. Сборник статей.
Люксембург. Кризис социал-демократии.
Маркс, К. Критика Готской программы.
Постгейт. Рабочий интернационал.
Поль Луи. Будущее социализма.
Ческис. Гоббс и современный материализм.
Энгельс. Бакунисты за работой.
„ Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ★ МОСКВА.

Серия „Р. К. П.“.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Итоги партработы за год. Сборник к XII съезду.

Троцкий. Мысли о партии.

Справочник партработника. Юнош.

Ярославский. Агитпропработа Р. К. П.

Тезисы к XII съезду РКП. Выпуск I.

Материалы к агитпропсекции XII съезда.

„ по обследованию деревни.

Наш промышленный комсостав.

Ленин. Лучше меньше, да лучше.

О работе РКП в деревне. Сборник.

Серия крестьянско-красноармейская.

Гремяцкий. Живые и мертвые зерна.

„ Питание растений.

„ Происхождение человека.

Гуревич. Оздоровление крестьянской жизни.

„ Как сохранить здоровье.

„ Заразные болезни.

„ Зеленый змий.

Леонтьев. Лошадь живая машина.

Лозовой. Сельско-хоз. кооперация в новых условиях.

Коржанский. Законы о земле.

„ Крестьянский двор.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. * МОСКВА.

V. Серия историческая.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Бела Рац. Красные и белые.
Волин. Декреты октября.
Дочери революции. Сборник.
За 5 лет. 1917—1922 г. г. Сборник Ц. К. Р. К. П.
Луначарский. За пять лет.
Лядов. 25 лет Р. К. П.
Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922 г. г.
Октябрь на Пресне. Воспоминания.
Октябрьские дни в Сокольниках. Воспоминания.
Пажитнов. Рабочее движение при крепостном праве.
48-й год. Сборник статей.
Файнштейн. Марк Малиновский—рабочий пропагандист начала 70-х годов.
Яковлев. Об историческом смысле русской революции.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Астров. Экономисты, предтечи меньшевиков.
Беркова. Великая французская революция (Процесс Людовика XVI).
Заславский. Зубатов и Маня Вильбушевич.
Меринг. История Германии с конца средних веков.
Пионтковский. Хрестоматия по истории октябрьской революции.
Рид, Джон. Десять дней, которые потрясли мир. С предислов. Н. Ленина и Н Крупской.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Астров. Экономика и рабочее движение 90 годов.
Викторов. Буржуазия в 1905 году.
„ Лена.
„ Феодализм в древней Руси.
„ Идеолог самодержавия, Иван Пересветов.
Лукин. Новейшая история Западной Европы.
Мебель. Крестьянская реформа.
„ Рабочий вопрос и рабоч. движ. во II полов. 19 в.

Мстиславский. Народовольцы.
Панкратова. Фабрично-заводские комитеты в России.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ".

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ★ МОСКВА.

77

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Адоратский. Научный коммунизм.
Граве. Теория классовой борьбы Маркса.
Каутский. Происхождение христианства.
Люксембург. Коалиционная политика или классовая борьба.
Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.
Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат.
Эйнштейн. Капитализм и социализм.
Цеткин. Р. Люксембург и русская революция.

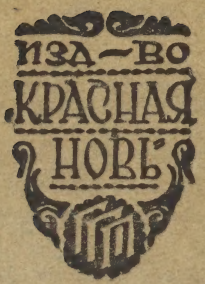
12

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Атлантикус. Государство будущего.
Базаров. Анархический коммунизм и марксизм.
Кран, З. и Леонард, С. Подпольная литература в революционной Германии во время войны.
Каутский. Социальная революция и на другой день после социальной революции.
„ Нет больше социал-демократии.
„ Американский и русский рабочий.
Кочаровская. Критика политической экономии Богданова.
Лассаль. Избранные речи.
Либкнехт. О молодежи.
„ Политические заметки.
Люксембург. Кризис социал-демократии.
Маркс, К. Критика Готской программы.
Пестгет. Рабочий интернационал.
Поль Луи. Будущее социализма.
Пескис. Гоббс и современный материализм.
Энгельс. Бакунисты за работой.
„ Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

1961

3580
3



СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.

INFORMATION CONSERVATION, INC

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000060798 15